

Проф. В. К. НИКОЛЬСКИЙ

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Под редакцией
Л. РУДАША

ОНТИ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1936 Ленинград

1. КРУШЕНИЕ СКАЗОК О „РАЙСКОМ БЛАЖЕНСТВЕ“ И „ЗОЛОТОМ ВЕКЕ“

Много сказок и легенд породила человеческая фантазия в поисках ответа на вопрос о том, когда появились и как жили первые люди на земле. В этих сказках какой-нибудь дух или бог в один прекрасный день принимается лепить из глины (как гончар), вылавливать со дна моря (как рыболов) или высекать из камня (как скульптор) первую человеческую пару или целую группу предков человеческого рода. Изображается это обычно как дело очень недавнее. Если в библии сотворение мира и людей отнесено к восьмому тысячелетию до нашего времени, то некоторые южноамериканские индейцы, имеющие о вселенной еще более смутное представление, чем авторы библейских легенд, всерьез заверяли всего только пятьдесят лет тому назад известного путешественника Штейнена, что первыми людьми на земле были их прадеды.

О внешнем облике первых людей, об их образе жизни, о судьбе их ближайшего потомства разные племена и народы имеют также самые причудливые, фантастические сказания. Особенным распространением, кроме библейской легенды о райском блаженстве, в котором будто бы пребывали до своего грехопадения Адам и Ева, пользовалась легенда о «золотом веке». Наиболее древнее, и пожалуй, яркое выражение ее в литературе мы находим у древнегреческого поэта Гесиода (жившего в VIII в. до нашего летоисчисления). В своей поэме «Работы и дни», которая у древних эллинов слыла кладезем всяческой мудрости, он говорит:

«Создали прежде всего поколение людей золотое
Вечноживущие боги, владельцы жилищ олимпийских.
Был еще Крон-повелитель в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой,

Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела. Всегда одинаково сильны
Были их руки и ноги. В пирах они жизнь проводили,
А умирали, как будто объятые сном. Недостаток
Был им ни в чем неизвестен. Большой урожай и обильный
Сами давали собой хлебодарные земли. Они же,
Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства,
Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных».

По воле богов это «золотое поколение» было проглочено землей, и на смену ему боги создали новые «поколения», сначала «серебряное», затем «медное» и, наконец, наше — «железное». Подобно тому, как библия обрекает потомство Адама на вечные тяготы и страдания, и Гесиод пророчит человечеству одно лишь горе:

«Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет».

Обе легенды — легенда о блаженстве первых людей до их грехопадения и легенда о «золотом веке», безвозвратно ушедшем по воле «олимпийских владык» — вовсе не так уже невинны, как это может показаться на первый взгляд. Легенды эти наряду со многими другими подобного же рода занимают видное место в том арсенале лжи и духовной отравы, которым богатые и власть имущие пользовались и пользуются для затемнения сознания широких масс.

Эксплуататоры, угнетатели и их лакеи в рясах или с учеными дипломами твердили и твердят, что существующее среди людей классовое неравенство исходит от природы или от самого господа бога, что всегда были и будут господа и слуги, богатые и бедные. Всякое стремление к перестройке общественной жизни на основах братского труда и товарищеской солидарности, всякие попытки создать на земле такие условия, в которых человек больше не был бы человеку волком, объявлялись преступным безумием и святотатством — «золотой век»-мол уже был и не вернется никогда. Эксплуататоры твердили, что богу и природе угодно, чтобы над человечеством вечно висело проклятие эксплуатации, гнета, войны, нищеты, физического и духовного вырождения миллионов.

Наука множеством непререкаемо установленных ею фактов разоблачает эту ложь. История, изучающая жизнь общественного человека в прошлом в самых разнообраз-

ых ее проявлениях и в процессе постоянного ее изменения, показывает, что никакого «золотого века», никакого райского блаженства» нигде и никогда не было. Она показывает, что действительная жизнь первобытных людей совершенно не похожа на картины, которые рисуются рясными и дипломированными лакеями господ и богачей.

Во второй половине прошлого столетия английский ученый Чарльз Дарвин и его последователи установили, что человек происходит от давно исчезнувшей «ископаемой»¹ человекообразной обезьяны, или «ископаемого антропоида»².

Это открытие подверглось ожесточенным нападкам со стороны церковников и их невежественной паствы. Хотя многим ученым давно было ясно, что библейский рассказ о сотворении мира в шесть дней является просто нелепой сказкой, тем не менее они не имели возможности открыто выступать в защиту своих взглядов. Когда лет двести тому назад французский естествоиспытатель Бюффон попытался открыто высказать свое мнение о происхождении земли, богословы заставили его опубликовать следующее позорное отречение: «Я отказываюсь от всего, что написано в моей книге относительно земли, и вообще от всего, что противоречит тексту священного писания». Противники Дарвина считали, что вопрос о происхождении человека можно обсуждать только на основе библейских «истин». Один английский богослов, Джон Лайтфуг, умудрился высчитать, что человек был сотворен богом в 9 часов утра 23 октября 4004 года до нашего летоисчисления, т. е. 5938 лет тому назад. Неудивительно поэтому та ярость, с которой церковники встретили теорию Дарвина и его последователей. Теория эта вдребезги разбила учение религии о рае, об Адаме и Еве, которые якобы были сотворены господом богом непорочными и совершенными

¹ Название «ископаемый» применяется в науке к тем породам животных или растений, которые известны лишь по окаменелым остаткам, выкапываемым из земли. Отсюда и слово «ископаемый».

² Антропос — принятое в науке греческое слово, означающее «человек». Антропоид, близкий к человеку, — наименование обезьян, наиболее похожих на человека. Человека никогда не называют антропоидом.

и лишь после грехопадения узнали, что такое болезнь, страдание и смерть.

Совсем уже недавно, менее 10 лет назад, в одном из городов Соединенных Штатов Америки происходил знаменитый «обезьяний процесс». Судили учителя Скопса за то, что он осмелился, вопреки существующему в этом штате запрету, излагать школьникам теорию Дарвина. В этом суде обвинителем выступил вождь американских мракобесов Брайан, который заявил на суде, что он не читал и не желает читать ни одной научной книги и что он слепо верит в каждую букву библии. Этот процесс наглядно показал, какая бездна тупости, невежества и жестокости скрывается под внешней «культурностью» рядового буржуа. Процесс лишний раз показал, что религия — злой и непримиримый враг науки, движения человеческой мысли вперед.

Однако с каждым днем церковникам и мещанам становится все труднее бороться с наукой в вопросе о происхождении человека.

Попы утверждали, что библейский Адам, созданный по «образу и подобию божьему», не мог быть похожим на обезьяну.

Образованные буржуа также не могли примириться с мыслью, что их предки, хотя бы и самые далекие, были покрыты густой шерстью и лазили по деревьям.

Многочисленные открытия в зоологии — науке о животных, в палеонтологии — науке об ископаемых организмах, антропологии — науке о физической природе человека и в других науках позволяют дать проверенный и обоснованный фактами ответ на вопрос: от каких предков, где, когда и как появился человек.

2. ЖИВОТНЫЕ — ПРЕДКИ ЧЕЛОВЕКА

Исследования француза Ламарка, англичан Дарвина и Уоллеса, немца Геккеля и многих других ученых утвердили на незыблемой основе учение об эволюции, т. е. о законе развития, которому подчинены все организмы в природе.

Бесчисленные наблюдения показали, что среди организмов, т. е. среди растений и животных, существуют менее и более сложно организованные — высшие и низ-

шие — виды. Вместе с тем наукой установлено, что в давно минувшие времена на земле жили существа иные, чем нынешние. Объединяя эти данные, эволюционное учение доказало, что все нынешние высшие организмы, не исключая и человека, развились с течением времени из низших путем постоянных, естественных изменений, протекавших иногда медленно, иногда стремительно, иногда постепенно, иногда скачкообразно.

Наука о земле — геология — делит историю земли на четыре огромных периода времени или эры: на архейскую — «начальную» эру, палеозойскую — «древнеживотную», мезозойскую — «среднеживотную» и кайнозойскую — «ново-животную».¹

Для каждой из этих эр характерны свои организмы, населявшие в эти промежутки времени нашу планету. Если архейская эра может быть названа веком одноклеточных организмов и древнейших беспозвоночных, палеозойская — веком рыб и земноводных, мезозойская — веком рептилий или пресмыкающихся, то кайнозойская эра — это эра млекопитающих и птиц. Кайнозойская эра в свою очередь делится на третичный, четвертичный — ледниковый и современный периоды. Достоверные следы человека обнаружены лишь в четвертичном периоде. Следовательно человек является последним звеном в гигантской, растянувшейся на миллионы лет, цепи развития, идущей к нам от первых одноклеточных организмов, с которых началась жизнь на земле.

В человеческом организме сохранилось много признаков и особенностей, бесспорно свидетельствующих о том, что человек ведет свое происхождение от животных. Некоторые ученые насчитывают до 146 таких признаков. Особенно поучительны в этом отношении данные эмбриологии — науки, изучающей развитие зародышей — эмбрионов. Согласно одному из основных законов этой науки, каждый зародыш высокоорганизованного животного в течение своего развития в утробе матери воспроизводит основные стадии развития, которые привели к образованию данного вида животного. Таким образом по развитию

¹ Название этих четырех эр происходит от греческих слов: «зоон» — животное (отсюда прилагательное «зойский»), «архайос» — начальный, «палеос» — древний, «мезос» — средний, «кайнос» — новый, современный.

зародыша в утробе матери можно в основных чертах восстановить историю данного вида, т. е. по тем стадиям, которые проходит живое существо в утробе матери, прежде чем оно получает окончательную форму, можно установить, какие стадии развития пришлось пройти живым организмам на земле до того, как появился тот животный вид, к которому принадлежит данное живое существо. Эмбриология выяснила, что самые ранние стадии развития зародышей у совершенно различных животных поразительно сходны между собой, а это доказывает, что эти группы животных происходят от общих предков. Еще в 1827 г. великий ученый Бэр, который открыл яйцевидность зародыша у млекопитающих, писал: «У меня имеются два маленьких эмбриона в спирту, названия которых я забыл надписать, и теперь я совершенно не в состоянии определить классы, к которым они принадлежат. Это могут быть ящерицы, маленькие птицы или совсем молодые зародыши млекопитающих, — так сходно строение головы туловища этих животных». Человеческий зародыш не составляет в этом отношении исключения.

Человеческий зародыш, образуемый из женской яйцеклетки и мужской семенной клетки, начинает свое развитие со стадии одноклеточных организмов, так как не чем иным, как одноклеточным организмом, является женское яйцо до его оплодотворения. На седьмой день после своего образования человеческий зародыш не содержит в себе еще никакого намека на человека: по виду это нечто среднее между червем и первобытной рыбой. Потом у человеческого зародыша появляются жаберные щели — парные веслообразные придатки по бокам, а строение кровеносной системы сходно у него в это время со строением этой системы у рыбы. В конце второго месяца зародыш становится похожим на первобытное млекопитающее с его выступающим наружу хвостом. Лишь на третьем месяце в зародыше можно распознать будущего человека. Если сравнить между собой зародыши рыбы, птицы, собаки, обезьяны и человека на самых ранних ступенях развития, то они оказываются поразительно сходными между собой. Лишь по мере дальнейшего развития зародышей сходство уменьшается. Однако даже в последние месяцы своего развития человеческий зародыш своим густым волосяным покровом, формой позвоночника, пропорциями отдельных

органов, широким тупым носом и т. д. обнаруживает немалое сходство с животным.

Не менее убедительным доказательством животного происхождения человека служат так называемые рудиментарные органы и явления атавизма. Рудиментарными органами, или рудиментами («рудимент» означает по-латыни «первый зачаток», «первую попытку»), называются недоразвитые органы, которые организмом унаследованы от далеких предков, но которые теперь ему не нужны, а потому и остаются в зачаточном состоянии. Таких рудиментарных органов у человека не мало, но самый известный из них — маленький червеобразный отросток слепой кишки, называемый аппендиксом. Этот отросток совершенно не нужен человеку, больше того, он вреден, так как служит причиной частых и довольно опасных заболеваний — аппендицита. Дело, однако, в том, что когда-то у животных предков человека слепая кишка играла важную роль, так как она помогала переваривать наиболее неподатливые растительные ткани. У нынешних растениеядных млекопитающих слепая кишка продолжает иметь весьма значительные размеры. У человека же этот орган сильно укоротился, так как нужда в нем исчезла с изменением характера пищи человека. Рудиментарным органом являются также два грудных сосца у мужчин. Рудиментарный характер носят у нас мускулы вокруг ушей: нашим животным предкам они нужны были для того, чтобы двигать и поворачивать уши в разных направлениях, а у нас они находятся в бездействии, хотя иногда встречаются люди, которые способны «двигать ушами».

Довольно часто у людей встречаются такие признаки, которые отсутствуют у нормального человека и которые свойственны лишь отдаленным животным предкам человеческого вида. В науке это называется а т а в и з м о м, возвращением к далеким предкам. В медицине известно множество случаев, когда у женщины, вместо нормальных двух сосцов, их бывает гораздо больше, — до двенадцати. В старые времена в цирках и ярмарочных балаганах показывали уродов, у которых тело было сплошь покрыто густым волосяным покровом, как у животных. В больницах иногда приходится делать операцию удаления «хвоста» у людей. У нормальных людей позвоночник имеет выдающийся заостренный конец, который является ко-

стной основой маленького рудиментарного хвоста. У некоторых людей, однако, этот «хвост» в силу атавизма приобретает значительные размеры: в Америке, например, у одного мальчика он был длиной в 25 сантиметров.

Все это свидетельствует об одном и том же: хотя человек по своему организму, по своей психике, по своему разуму занимает высшее место в мире живых существ, но все же нет никаких оснований целиком выключать его из мира животных, так как всеми своими корнями он уходит в общую, единую цепь развития, охватывающую все живое на земле.

Какое же место занимает человек в родословной животного мира и кто является его ближайшими родственниками и предками в царстве животных?

Уже самые отсталые люди, самые малокультурные обитатели лесов Африки, островов Цейлона и Суматры подметили удивительное сходство некоторых обезьян с людьми. На острове Борнео некоторые племена считают орангутанов людьми, которые, однако, предпочитают жить в чаще тропического леса, чем на открытой местности. В Центральной Африке некоторые негры уверяют, что гориллы — это люди, которые спрятались в лесные дебри и притворились немymi, чтобы их не заставили работать. Само собой разумеется, что наука, исследуя вопрос о месте человека в природе, не могла пройти мимо того сходства между человеком и человекообразными обезьянами, или антроподами, которое бросается в глаза любому наблюдателю. Уже великий шведский естествоиспытатель Линней в своей «Системе природы», изданной им в 1735 г., признал сходство и сродство человека и обезьян по их телесным признакам. Разделив весь класс млекопитающих животных на семь отрядов, он причислил обезьян вместе с человеком к отряду так называемых приматов, т. е. высших животных.

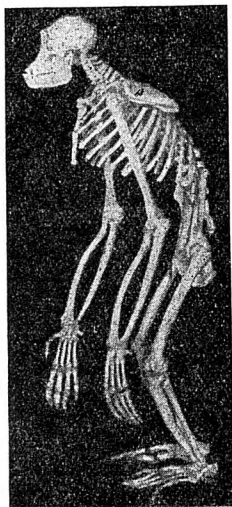
С тех пор наука накопила множество новых данных, подтверждающих родство человека с человекообразной обезьяной. Между человеком и обезьяной есть сходство и во внутреннем строении организма, и в скелете, и во внутренних органах: «те же двести костей одинакового устройства и одинакового состава образуют внутренний скелет; те же триста мускулов служат для движения; те же группы так называемых ганглиевых клеточек составляют пре-

сную и поразительную ткань мозга; то же четырехлопастное сердце является центральным насосом кровообращения; те же 32 зуба, в том же порядке расположенные, составляют жевательный аппарат; те же слюнные, кишечные и желудочные железы, те же железы печени способствуют пищеварению; те же органы размножения способствуют сохранению рода». Здесь и сходство в составе крови, которое доказано химически и опытами переливания крови. Немецкие ученые Фриденваль и Уленхут производили переливание крови от человека к антропоидам. В то время как переливание крови одного животного другому животному, принадлежащему к иному, далекому виду, вызывает смерть этого второго животного, — переливание крови между двумя животными двух родственных видов — например между лошастью и ослом, зайцем и кроликом, собакой и шакалом — не приводит к вредным последствиям. И вот оказалось, что переливание человеческой крови в антропоида не причиняло последнему вреда, тогда как у низших обезьян оно сопровождалось вредными и разрушительными явлениями. Это свидетельствует о том же, что высшие обезьяны или антропоиды, являются родственными человеку.

Сейчас на земле существует всего четыре породы антропоидов: гориллы и шимпанзе, живущие в Африке, орангутаны, живущие на островах Суматра и Борнео, и гиббоны, живущие в южной части полуострова Индокитай и на прилегающих островах. Они, как показали тщательные исследования, не являются при всей близости к человеку предками последнего. Они так же, как и человек, являются потомками ископаемых антропоидов, живших на земле в так называемый третичный период кайнозойской эры.

Еще в первой половине третичного периода, продолжительность которого составляет несколько десятков миллионов лет, от ископаемых полуобезьян произошли обезьяны. Обезьяны эти делятся на две группы: на широконосых обезьян, имеющих приплюснутый нос с широкой носовой перегородкой и обращенными в стороны ноздрями, и на узконосых обезьян с узкой носовой перегородкой и с ноздрями, направленными вниз. В то время как широконосые обезьяны Нового света, игрунки, цебусы и т. д., живущие в Америке, имеют 36 зубов, узконосые обезьяны Старого

света, живущие в Азии и Африке, имеют 32 зуба, как и нормальный человек. Узконосые обезьяны Старого света делятся на низших, каковы макаки, павианы, марьяшки, и высших, или антропоидов — гориллы, оранги, шимпанзе и гиббоны. Настоящие обезьяны, особенно высшие, стоят по строению своего мозга очень близко к человеку. Как показывают находки окаменелых костей животных, современные высшие обезьяны являются потомками ископаемых высших обезьян, из которых некоторые роды, как

1. Скелет гориллы из Конго.

Рис. 2. Скелет шимпанзе из Габун в западной Африке.

например дриопитек, т. е. «древесная обезьяна», были в третичный период широко распространены по Старому свету; кости дриопитеков найдены даже в Европе. Как раз это и подводит нас к ответу на первый из поставленных нами вопросов. *Ближайшими предками человека в мире животных являются ископаемые антропоиды, которые в свою очередь произошли от ископаемых узконосых обезьян Старого света, населявших тропические леса третичного периода.* Таким образом, выражаясь шутливо, можно сказать, что современные обезьяны — это «двоюродные братья» человека,

9. НОВЕЙШИЕ НАХОДКИ ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА

Положение первых дарвинистов в борьбе с религиозными учениями о происхождении человека в значительной мере затруднялось тем, что в их время еще не было таких находок, которые позволили бы установить переходные звенья между ископаемыми древолазящими антропоидами и современным, или, как он называется в науке, «разумным» человеком. Правда, в 1856 г. в долине реки Неандер (по-немецки Неандерталь), близ города Дюссельдорфа (в Германии), были найдены кости ископаемого человека, сохранявшего в строении своего организма гораздо больше обезьяньих черт, чем разумный человек. Череп этого ископаемого человека, «неандертальца», был более приплюснут, чем череп разумного человека, у него не было подбородка, значит, и членораздельной речи, мозг его должен был быть меньше, держаться он должен был менее прямо. Но, во-первых, находка неандертальца носила единичный характер, а, во-вторых, неандерталец все же очень далеко отстоял от обезьяны. Ясно, что для восстановления того пути, который ведет от ископаемого антропоида к разумному человеку, одной находки неандертальца было слишком мало. Науке недоставало материала, позволяющего установить переходные связующие формы, с одной стороны, между ископаемой человекообразной обезьяной и неандертальцем, а с другой — между неандертальцем и разумным человеком. Начиная с конца XIX в., положение в этом вопросе резко меняется.

В конце XIX в. голландский военный врач Евгений Дюбуа попал по делам службы на далекий остров Яву, находящийся к югу от Азии в группе Зондских островов. Ему уже раньше приходилось слышать о находках костей вымерших животных в почве этого острова. Когда ему было поручено голландскими властями обследовать строение почвы на Яве, он решил воспользоваться этим случаем для палеонтологических раскопок (палеонтологией называется наука, изучающая вымершие ископаемые организмы). В 1890 г. Дюбуа стал копать на высоком берегу реки близ селения Триниль. В августе 1891 г. на глубине 12—15 метров он нашел сначала коренной зуб человека, затем на некотором расстоянии черепную крышку и бедро. После этого было найдено еще несколько костей.

Опубликованное Дюбуа в 1894 г. описание найденных костей приковало внимание всего образованного мира тринильским находкам. Особенности строения черепной коробки и бедра, найденных на Яве, позволили Дюбуа уверждать, что они принадлежали существу, которое занимает промежуточное положение между человеком и обезьяной и стоит гораздо ближе к обезьяне, чем неандертале. Дюбуа назвал это существо «прямоходящим обезьяночеловеком», или питекантропом.

Вокруг вопроса о питекантропе поднялась горячая дискуссия. Некоторые буржуазные ученые, противники лавинизма, пытались даже отрицать вообще принадлежность тринильских костей человеку и приписывали их гиббон или другой человекообразной обезьяне. Разногласия возникли также и по вопросу об эпохе, к которой следует отнести питекантропа. Около его костей было обнаружено множество остатков ископаемых животных, которые однако, относятся к разным геологическим периодам. Все эти споры и разногласия можно считать ликвидированными теперь после новых исследований Дюбуа, который в 1932 г. спустя 40 лет после своего первого открытия, обнаружил среди четырехсот ящичков костей, вывезенных с Явы, бедра питекантропа. Теперь уже ни один серьезный ученый не сомневался в том, что питекантроп является древнейшим ископаемым человеком и относится к ледниковому периоду.

«Хотим ли мы того или не хотим, — пишет английский ученый Пикрафт, — мы должны допустить питекантропа внутрь нашего семейного круга. Он стоит на разветвлении дорог неммым свидетелем нашего низкого (т. е. обезьяньего) происхождения. Мы можем с чувством обиды отказаться признать его, мы можем разыграть из себя страуса, но факты остаются фактами: он один из нас».

Наиболее сокрушительный удар всяким попыткам оспорить принадлежность питекантропа к человеческому роду нанесло одно из величайших открытий последнего времени, а именно обнаружение костей так называемого китайского человека, или синантропа. В 40 км от г. Бейпина (б. Пекина) находится селение Чжоу-Коу-Тянь. Вблизи этого селения производились горные разработки и геологические изыскания. В пещерах одного из холмов здесь в 1927 г., помимо остатков ископаемых животных, начали

находить кости ископаемых людей. В результате исследований, произведенных с 1927 по 1932 гг. группой европейских и китайских ученых, удалось обнаружить в пещерах Ко-тце-ган неожиданный и ценнейший материал. Учеными собрано много костных остатков — не менее, чем от 25 особей так называемого синантропа. При ближайшем рассмотрении удалось установить, что череп и челюсти синантропа очень сходны с черепом и челюстью питекантропа. Лоб синантропа оказался, однако, более выпуклым теменные бугры выступали у него более резко, чем у питекантропа. Объем мозга составлял у синантропа 1 050 кубических сантиметров, тогда как у питекантропа он составлял 950, а у гориллы он равен 600 кубическим сантиметрам. Таким образом синантроп является только более развитым питекантропом.

Наиболее замечательным, однако, в открытии синантропа является следующее обстоятельство. В то время как около питекантропа не было найдено никаких орудий, в пещерах Чжоу-Коу-Тянь удалось вместе с костными остатками древнейшего человека найти около двух тысяч его орудий. Здесь и необработанная еще галька, и куски кварца, подвергшегося отбивке, и рога молодых оленей, превращенные в кинжалы, и части оленьих черепов, превращенные в чаши для питья. Следовательно, синантроп умел выделывать каменные и костяные орудия, т. е. был несомненным человеком, ведь человек — это животное, производящее орудия. Больше того, вместе с костями и орудиями синантропа в пещерах Чжоу-Коу-Тянь были найдены остатки золы, слой которой в некоторых местах достигает толщины в 7 м. Это свидетельствует о том, что синантроп умел пользоваться огнем. Судя по толщине слоя золы, судя по тому, что между двумя найденными черепами синантропа залегал слой земли со всякими остатками в 55 м толщины, синантропы жили в этом месте в течение тысячелетий. Многие поколения синантропов ютились в этих пещерах, прячась от хищников и непогоды, сюда приносили они материал для изготовления орудий, здесь они прелись у костров и жарили мясо на огне. Судя по тому, что здесь найдены остатки 70 видов млекопитающих, синантропы коллективно охотились на разных, даже крупных животных. Лакомые до костного мозга, они разбивали длинные кости, чтобы высосать их содержимое.

Открытие синантропа принесло такие бесспорные доказательства в пользу принадлежности обезьяночеловека к человеческому роду, что даже реакционные ученые вынуждены склониться перед ними. Когда во Французской академии наук во время доклада об открытиях в Чжоу-Коу-Тянь некоторые реакционеры пытались усомниться в том, чтобы существо, близкое к питекантропу, могло изготовлять орудия, в защиту обезьяночеловека выступил не кто иной, как Брейль, который одновременно является и крупным ученым и аббатом, т. е. католическим попом.

«Некоторые слишком недоверчивые умы, — заявил он — полагают, что близкий родственник яванского обезьяночеловека не мог обладать способностями, достаточными для таких завоеваний, как изготовление орудий и использование огня. Мне остается только пожалеть, что в те отдаленные времена не было обычая подписывать или помечать свои произведения. Фактом является то, что это существо, которое по своему росту, по осанке и по форме черепа должно было так близко стоять к обезьяне, обладало всеми начальными элементами культуры, а поскольку еще никто никогда не видел, чтобы животное добывало огонь и выделывало орудия из камня или кости, приходится признать, что этот антропоид был человеком».

Когда основоположник научного социализма Энгельс писал свою знаменитую статью о роли труда в процессе очеловечения обезьяны, где он доказывал, что труд создал человека, т. е. что лишь в процессе коллективного труда стадо ископаемых человекообразных обезьян превратилось в древнейшее человеческое общество, не были известны еще ни питекантроп, ни синантроп. Тем ярче выявляется вся гениальность идей Энгельса в свете новейших исследований науки. Изучение питекантропа и синантропа указывает на близость их одновременно и к человеку и к обезьяне.

Питекантропы и синантропы — это древнейшие известные нам люди в настоящем смысле слова, т. е. общественные животные, производящие орудия труда. Существование таких людей, сохранивших в своем организме еще много обезьяньих черт, вполне подтверждает точку зрения Энгельса, который считал, что именно ископаемая человекообразная обезьяна, достигшая «высокой степени развития», и превратилась в свое время в человека. Первые люди

должны были быть еще очень похожими на крупных двуногих человекообразных обезьян, ведущих стадный наземный образ жизни, но уже знакомых с употреблением и выделкой простейших каменных, деревянных, а позже костяных орудий, и с огнем. Очень интересно исследование бедер питекантропа, опубликованное Дюбуа в 1933 г. Оказывается, питекантроп умел отлично лазить по деревьям. Этот факт подтверждает указание Энгельса о том, что древнейший человек не порывал связи с деревом.

Ряд находок подтверждает также, что синантроп является исходной формой для неандертальцев. Вблизи г. Гейдельберга (Германия) в течение многих лет производились разработки древних речных песков. Ученый Шетензак на протяжении 25 лет следил за этими разработками, обращая внимание рабочих на необходимость бережного отношения к попадавшим в песках костям ископаемых животных. В 1907 г. здесь была найдена нижняя челюсть ископаемого человека, который получил в науке название гейдельбергского. Челюсть эта по строению представляет смесь человеческих и обезьяньих признаков. По всей видимости ее обладатель принадлежал к человеческой породе, представлявшей промежуточную форму между синантропом и неандертальцем.

Очень много ценного материала принесли последние годы для решения вопроса о месте неандертальца в цепи, ведущей от питекантропа к разумному человеку. Если до конца XIX в. находки неандертальцев были единичными, то с начала XX в. раскопками в разных местах обнаружено такое большое количество орудий, костей и других остатков неандертальцев, что для науки стали возможными достаточно точные выводы в этой области. Особенно интересны в этом отношении черепа неандертальцев, найденные в 1922 г. на острове Яве и принадлежавшие, по видимому, потомкам питекантропа. Начиная с 1931 г., в Палестине, у подножья горы Кармел, в пещерах были найдены костные остатки десятка скелетов неандертальцев и притом в скорченном положении. Здесь наука имеет дело уже с коллективным погребением. Один из скелетов прижимал к груди огромную челюсть дикого кабана. По видимому, он был погребен вместе с челюстью, служившей ему при жизни орудием. Эти так называемые палестинские люди замечательны тем, что они по строению своего тела представ-

ляют уже шаг вперед на пути к разумному человеку. В отличие от типичных неандертальцев они имеют подбородочный выступ, что свидетельствует о наличии у них звуковой членораздельной речи.

Рис. 3. Двойное погребение в „Пещере детей“ (во Франции). Скелеты найдены в скорченном положении.

Огромный вклад в изучение неандертальской культуры внесла советская наука, которая в области изучения иско-

паемого человека за последние годы достигла больших результатов, чем дореволюционная наука за все время своего существования. До Октябрьской революции находки ископаемого человека в нашей стране были крайней редкостью и принадлежали отдельным любителям. А теперь в СССР известен ряд раскопанных стоянок первобытного человека, имеющих мировое значение. В пещерах Кник-

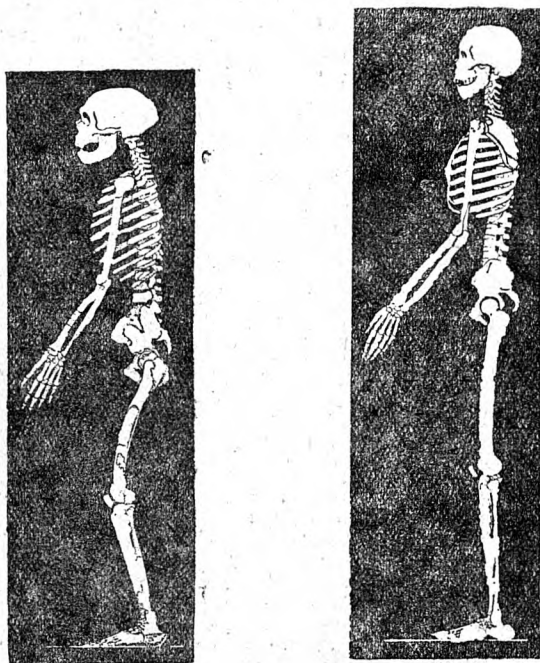

Рис. 4. Скелет неандертальца (справа) и скелет неантропа (нового человека).

коба и Чокурча (в Крыму), на Северном Донце и в других местах найдены интереснейшие остатки неандертальского человека. Еще богаче и интереснее материал, добытый советскими учеными в Костенках (близ Воронежа), в Мальте (в Сибири), в Гагарине (верховья Дона), в Мезине и многих других местах, но этот материал относится уже к более поздним периодам, ко времени ископаемого разумного человека.

На основании огромного материала, накопившегося за последние годы, теперь можно отчетливо установить как строение тела неандертальца, так и его образ жизни. Рост неандертальца был невелик, достигая в среднем 160 см. Руки его были сравнительно длиннее, а ноги короче, чем у современного человека. Он еще не был в состоянии вполне выпрямить ногу в коленном суставе. У него должна была быть крайне неуклюжая походка. Словом, если бы перед нами сейчас появился живой неандерталец, мы не могли бы удержаться от восклицания: «Какой странный человек, как он похож на обезьяну». Однако, объем мозга у неандертальца, равный 1200 кубическим сантиметрам, был уже значительно больше, чем у синантропа. Свои орудия он производил не путем простого дробления или тесания камня, а скалыванием, требовавшим значительной сноровки. Он уже умел охотиться на крупных зверей и побеждать медведей и других пещерных хищников в борьбе с ними за пещеры. Судя по тому, что неандертальцы погребали покойников с орудиями, у них существовали какие-то представления о фантастическом загробном мире.

Остатки неандертальцев найдены во многих местах, а это показывает, что неандертальцы были широко распространены по земле; следовательно, они уже в состоянии были приспособляться к разным географическим условиям. Именно в результате этого приспособления, усложнения общественной жизни и общественного производства, в результате влияний, оказывавшихся мясной пищей, новыми приемами и формами труда, произошло превращение неандертальца в ископаемого разумного человека.

Промежуточным звеном между неандертальцем и разумным человеком служили так называемые неандерталоиды, представителей которых мы знаем в лице открытых недавно «палестинских людей». Эти «палестинские люди» жили не меньше, чем сто тысяч лет назад.

Мы видим, таким образом, что если во времена Дарвина и Энгельса наука об ископаемом человеке располагала для восстановления родословной разумного человека только черепной крышкой неандертальца, то теперь в ее распоряжении имеется огромный, тщательно изученный и проверенный материал о главных этапах физического и культурного развития человека со времени его выделения из царства животных.

4. РОДИНА И ВОЗРАСТ ЧЕЛОВЕКА

Все дошедшие до нас остатки наиболее древнего человека—питекантроп, синантроп, гейдельбергский человек—характеризуются наличием ярко выраженных черт, говорящих о тесном родстве между человеком и ископаемыми человекоподобными обезьянами. Поэтому для решения вопроса о прародине человека большое значение приобретает выяснение области распространения этих обезьян во второй половине третичного периода.

По данным науки, район распространения третичных антропоидов был значительно обширнее области, занимаемой антропоидами в настоящую эпоху. Если современные антропоиды живут только в тропическом поясе Старого Света — горилла и шимпанзе в Африке, орангутан на Суматре и Борнео и гиббон в южной части Индо-Китая, — то в третичном периоде, судя по находкам окаменелостей, антропоиды обитали и в Северной Индии, и в Южной Африке и даже в Европе.

Это сужение района распространения антропоидов объясняется изменением природных условий, которое произошло с началом ледникового периода. Последний не должен рассматриваться как период сплошного оледенения и ухудшения климата на всей поверхности земли. В северном полушарии он выразился в смене наступления и отступления ледников, имея как говорят ученые, гляциальный, т. е. «ледниковый» характер. Значит, и здесь он выразился не в сплошном оледенении, если не считать некоторых северных районов. В южном же полушарии, и преимущественно у экватора, он выразился в обилии дождевых осадков, или, говоря научным языком, носил «плювиальный», т. е. «дождливый» характер. Тогда как в гляциальных районах ухудшение природных условий ускорило очеловечение ископаемых антропоидов, заставляя их спускаться с деревьев и вести наземный образ жизни, в плювиальных — дождливых — районах природные условия, вызывая расцвет лесной растительности, затормозили этот процесс, удерживая антропоидов на деревьях.

Находки остатков древнейшего человека как раз и подтверждают это предположение: все они обнаружены в гляциальных районах и вне района распространения совре-

менных антропоидов. Наиболее распространенным в глациальных районах ископаемым антропоидом являлся, судя по находкам, дриопитек — «древесная обезьяна», очень близкая по своим анатомическим признакам к человеку.

Если принять во внимание, что наиболее древние люди, происшедшие если не от дриопитека, то от близкого к нему антропоида, обитали не в одном, а в разных глациальных районах, — и в Европе, и в Азии; — то можно с уверенностью сказать, что процесс очеловечения обезьяны начался не в одном каком-либо пункте, а в ряде мест, где обитали ископаемые антропоиды. Хотя нигде в Африке до сих пор остатков древнейшего человека типа питекантропа или синантропа не обнаружено, тем не менее находки дриопитека и австралопитека в Африке позволяют думать, как это допускал Дарвин, что и Африка могла быть захвачена великим процессом очеловечения обезьяны.

Иначе обстоит дело с Америкой и Австралией. В последней не обнаружены ни обезьяны, ни полуобезьяны.

Таким образом, нет никаких данных, которые позволили бы предположить существование в Америке антропоидов. Из этого можно заключить, что начальная стадия процесса очеловечения обезьяны не захватила Америки так же, как и Австралии.

Таким образом, родиной человечества являются глациальные, т. е. подвергавшиеся оледенению, районы ископаемых антропоидов в Старом Свете. В пределы этих районов входят Южная Африка, Западная Европа, Северная Индия, Индонезия и Северный Китай.

Еще не так давно, всего лет двадцать тому назад, ученые почти единогласно относили появление человека на земле к жаркому, третичному периоду, причем расхождение между учеными существовало лишь относительно эпох внутри этого периода. Наиболее авторитетные представители науки, как Дарвин, Гексли, Геккель и др., за отсутствием точных данных, совершенно отказались связывать возникновение человека с какой-либо определенной эпохой внутри этого периода. Другие, менее строгие к своим выводам ученые, пытались на основании весьма ненадежных источников приурочить появление древнейших людей то к одной, то к другой эпохе третичного периода, то к его началу, то к его середине.

Однако ни одного достоверного следа третичного чело-

века, ни в виде костей, ни в виде орудий, до сей поры не обнаружено. Все имеющиеся находки орудий или костей древнейшего человека не выходят за пределы ледникового — четвертичного — периода.

История выяснения возраста питекантропа особенно знаменательна тем, что она имеет не только частное, но и общее значение, поскольку питекантроп является представителем наиболее первобытной, или примитивной, стадии человечества. Последнее открытие Дюбуа, обнаружившего еще три бедра питекантропа (от нескольких особей), позволяет с полной уверенностью усматривать в питекантропе переходную форму от обезьяны к человеку.

Определение возраста синантропа только подтверждает все это. Здесь, в отложениях, которые всеми геологическими авторитетами мира признаны бесспорно относящимися к древнейшему ледниковому периоду, притом в слоях, которые никак не могли подвергнуться смещению, обнаружены кости нескольких индивидов человеческой породы бок о бок с костями ископаемых животных, каменными орудиями и толстыми слоями золы. Таким образом, факт пребывания в указанной пещере человека в первой половине ледникового периода не подлежит сомнению. По анатомическим признакам этот человек, названный, как мы видели, синантропом, ближе всего стоит к питекантропу, хотя по объему черепной коробки и другим признакам он уже несколько выше его. Найденные рядом свыше 2 тысяч каменных орудий свидетельствуют о том, что синантроп был бесспорным человеком, несмотря на обилие в нем обезьяньих черт: при всей своей простоте эти орудия носят достаточно явные следы искусственной обработки. Наличие же золы убеждает в том, что синантроп, являющийся несомненным человеком и вместе с тем стоящий близко к питекантропу и гейдельбергскому человеку, относится к ледниковому периоду, подобно всем древнейшим ископаемым людям.

Как ни малочисленны еще обнаруженные наукой следы древнейшего человека по сравнению с теми, которые пока скрыты в недрах земли в ожидании исследователя, они и сейчас уже позволяют нам дать следующий ответ на поставленный нами вопрос о возрасте человека: при современном состоянии наших знаний мы не имеем никаких достоверных данных о существовании человека в тре-

тичный период. Древнейшие люди на земле могли появиться не раньше начала ледникового периода, т. е. не раньше нескольких сот тысяч лет тому назад, по весьма приближенным, конечно, вычислениям некоторых геологов.

5. ТРУД И ОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Единственно научным ответом на вопрос, почему и как началось очеловечение обезьяны, является тот ответ, который был дан еще Энгельсом и который теперь получает все новые и новые подтверждения в исследованиях даже буржуазных ученых.

Древнейшие следы человека, как мы уже видели, приводят нас на грань третичного и четвертичного периодов. На смену жаркому третичному климату с роскошной тропической растительностью пришли новые природные условия. Характернейшей особенностью этих новых условий являлось, повидимому, увеличение количества атмосферных осадков. Это привело к образованию мощных ледников в одних местах и к увеличению влажности климата в других.

Как раз в тех областях, где обитали антропоиды — предки человека, происходило наступление ледников.

К началу наступления ледников в девственных лесах среди многочисленных зверей жили стаи больших узконосых человекоподобных обезьян. У них были огромные выступающие клыки и вытянутая морда. Руки у них были непомерно длинные. Цепляясь этими руками за ветки, они свободно рыскали по лесу, разыскивая плоды или настигая мелкое зверье.

Похолодание климата было катастрофой. Ледники покрыли высоты. Огромные пространства лысели от холода, превращались в степи, в тундру с редкими перелесками. Пищи на деревьях не хватало, да и деревья стали редкими. Голод гнал обезьян вниз, на землю. Они и раньше иногда спускались с деревьев. Поэтому их нижние конечности развились в своеобразные руко-ноги. Передвигаясь по земле, обезьяны напоминали своей походкой человека на костылях. Такова еще и теперь походка у гиббона. С похолоданием обезьяны вынуждены были все чаще и чаще спускаться с деревьев на землю. Перед ними оставалось три возможности: либо переселиться на юг, либо вы-

мирать от голода, либо приспособиться к новым условиям, спустившись с деревьев на землю. В обстановке редколесья обезьянам приходилось все больше жить не на деревьях, а на земле. Обезьяна отрывалась от дерева, выработывала прямолинейную походку.

Прямая походка сыграла огромную роль в процессе очеловечения обезьяны. Как известно, обезьяны передвигаются обычно по земле и по деревьям на четырех конечностях. Лишь в отдельных случаях они принимают прямое положение. Голова у них обычно свисает вниз. По-

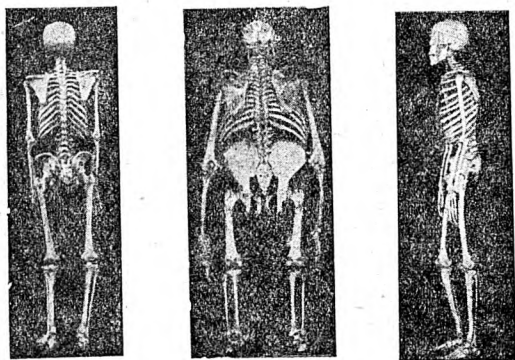

Рис. 5 Слева—скелет человека, вид сзади; посредине—скелет гориллы, вид сзади; справа—скелет человека, вид сбоку.

звончичник у них вытянут в виде моста, опирающегося на кости передних и задних конечностей. Неспособность к прямохождению мешает развитию и способности речи. Лишь при прямом хождении могут развиваться гортань и голосовые связки, лишь при прямом хождении устойчивое положение головы на шейных позвонках не стесняет развития мозга, лишь при прямом хождении освобождаются руки для защиты и работы. Необходимыми условиями для прямохождения считаются «вогнутая поясница», при которой позвоночник изогнут в виде латинской буквы S, и «ступающая нога», при которой большой палец не противопоставляется остальным. Именно «вогнутая поясница» и «ступающая нога» являются одним из основ-

ных признаков, отличающих человека от обезьян, которые имеют мостовидный позвоночник и хватающую ногу.

Как же появилась у человека «вогнутая поясница»? Как известно, обитающие в девственных тропических лесах обезьяны пробираются сквозь чащу, цепляясь за ветки и лианы, перескакивая с дерева на дерево. Их «лазанье» представляет собой комбинацию цепляния и прыжков. В редколесье, которое в ледниковом периоде пришло на

смену тропическим лесам третичного периода, нашим человекообразным предкам пришлось перейти к иному способу лазания. Наблюдения над первобытными людьми, над австралийцами и другими племенами, установили, что они при лазаньи не прижимают бедер к стволу, как это делаем мы, а «идут» вверх по стволу дерева, упираясь ногами в ствол, откидываясь корпусом назад и схватываясь руками за ветки и лианы, обвивающиеся вокруг ствола. Такой же способ лазания, конечно, в теснейшей связи с частым хождением по земле, не мог не привести к «вогнутой пояснице» и к «опорной стопе» с хорошо развитым и крепким большим пальцем. Таким-то образом «наши волосатые предки постепенно пере-

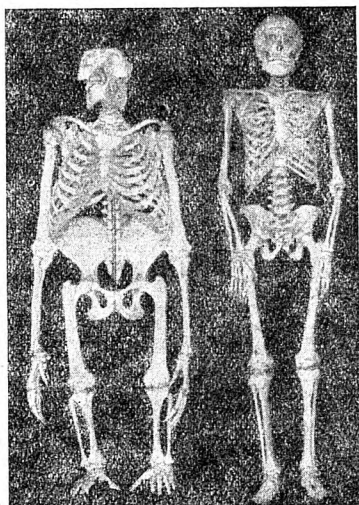

Рис. 6. Скелет гориллы (слева) и человека (справа) спереди. На рис. 5 и 6 отчетливо заметно различие между позвоночником человека и обезьяны.

стали пользоваться руками при передвижении по поверхности земли, стали усваивать прямую походку. Этим был сделан решительный шаг к переходу обезьян в человека» (Энгельс). Переход к прямохождению осуществил необходимую предпосылку для развития головного мозга, речевого аппарата и ручного труда у человека.

Иначе пошло развитие ископаемых антропоидов в тех районах их распространения, где ледниковый период принял плювиальный характер, т. е. выразился в усиле-

нии влажности. Здесь шли обильные дожди, бурно развивалась растительность, поверхность земли покрылась непроходимыми лесами. Здесь обезьяны должны были продолжать жить в условиях первобытного леса. В процессе приспособления к этим условиям органы их приобретали такие изменения, которые все дальше отводили их от возможности, перейдя к наземному образу жизни, развить передние конечности в руки. В результате цепляния за ветки и лианы у них даже укоротился, стал недоразвитым большой палец на руках. А между тем без хорошо развитого и крепкого большого пальца на руке последняя не способна к схватыванию, а значит, и к изготовлению искусственных орудий и пользованию ими. Без хорошо развитого и крепкого большого пальца нога не может превратиться в опорную стопу для прямого хождения. Руки у человекообразных обезьян, приспособившихся к условиям первобытного леса, сделались длиннее ног —

Рис. 7. Австралийский способ лазания по толстому стволу.

особенно это заметно у гиббона. Словом, в первобытных лесных джунглях развитие от ископаемых антропоидов привело не к человеку, а к современным высшим антропоидам. т. е. к гориллам, шимпанзе и гibbonам, которых некоторые ученые справедливо называют «неудавшимися попытками очеловечения».

Какова же была судьба антропоидов в гляциальных — ледниковых — районах? На земле, в пещерах, в перелесках

спустившихся с деревьев обезьян поджидали хищные и опасные звери. С ними приходилось вести борьбу, и борьба эта была длительной, жестокой и кровопролитной. Вокруг жили стегодонты — древние огромные предки слонов, тигры-саблезубы, получившие свое имя по большим изогнутым клыкам, без помощи которых они не смогли бы охотиться на толстокожих бегемотов, носорогов, слонов, ископаемые олени и другие сильные звери.

Для добывания пищи в новых, наземных условиях, для защиты от врагов обезьяночеловеку пришлось пользоваться палками и камнями. Это стало возможным после того, как антропоид-предок усвоил прямую походку на задних конечностях. Это освободило руки антропоида и позволило ему брать ими палки и камни, без которых он не мог теперь обойтись. С помощью таких естественных, т. е. природой данных, орудий приходилось добывать пищу, раскапывать корнеплоды, так как охотиться на сильных животных этого времени ему было не под силу.

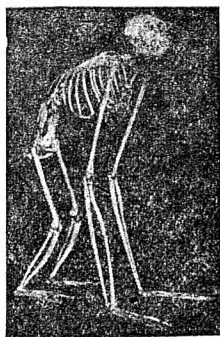

Рис. 8. Скелет гиббона, показывающий соотношение между длиной рук и ног.

Древнейшим памятником человеческой культуры являются искусственные орудия.

Прошли тысячелетия. От случайного употребления острого камня или тяжелой дубины человекоподобные существа дошли до изготовления простейших орудий из камня и дерева лишь через много тысячелетий. По сравнению с этим периодом все исторически обозреваемое нами время кажется мгновением.

С появлением искусственных орудий рука приспособилась для действий, не свойственных животным. Рука «совершенствовалась в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и усиливалась от поколения к поколению» (Энгельс). Так наш предок, ископаемый антропоид, стал человеком, — «животным, производящим орудия», как называл человека американский ученый В. Франклин.

Несомненно, ведущим органом в процессе очеловечения

обезьяны является рука. Однако развитие руки не шло изолированно. Укреплялась прямая походка человека. Благодаря растущему разнообразию питания, в котором наряду с растительной пищей все чаще появлялись и мясная, повышалась жизнедеятельность человека. «Рискуя навлечь на себя гнев господ вегетарианцев, — пишет Энгельс, — приходится признать, что мясная пища явилась необходимой предпосылкой развития человека». И действительно, мясная пища чрезвычайно помогла развитию мозга.

Если ведущим органом в процессе очеловечения была рука, то ведущую роль в нем играл труд. «Труд создал человека» — говорит Энгельс. Это положение освещает всю древнейшую историю человечества. Необходимость добывать пищу и отстаивать свое существование с помощью орудий, изготовленных им самим, выделила человека из семьи его животных предков.

Труд свойственен не только человеку. Зародыши трудовых процессов наблюдаются у многих высших животных, которые трудятся при помощи найденных или поднятых случайно палок и камней. Смелая мысль об этом была впервые высказана Марксом и нашла блестящее подтверждение во многих работах позднейших ученых.

Многочисленные опыты, произведенные за последнюю четверть века рядом исследователей, с неоспоримостью показали, что шимпанзе, гориллы и орангутаны проявляют способности к труду, что они в состоянии применять некоторые простейшие орудия. Обезьяна «Султан» из породы шимпанзе в опытах ученого Кёлера оказалась даже в силах изготовить искусственное орудие. Недостатком этих опытов является, однако, то обстоятельство, что они производились над отдельными особями, искусственно вырванными из обезьяньей стаи.

Между тем одним из важнейших результатов новейшего изучения обезьян как раз является установление того факта, что в естественной среде высшие обезьяны живут не семьями, как это предполагалось раньше, а стаями. Впервые это было с достаточной убедительностью доказано наблюдениями немецкого ученого Рейхенова над гориллами и шимпанзе в Африке в 1920 г. и с тех пор подтверждено рядом других наблюдателей, установивших,

что обезьяны на своих стоянках оставляют целые группы гнезд, иногда числом до 60-ти.

Совершенно ясно, что, говоря о труде, очеловечившем обезьяну, Энгельс имел в виду именно общественный, а не индивидуальный труд. В своем замечательном письме к П. Лаврову 17 ноября 1874 г. Энгельс пишет: «По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди должны были жить стадами, и поскольку мы можем проникнуть в глубь веков, мы находим, что так оно и было».

Новейшие исследования показывают, что Энгельс был совершенно прав.

С одной стороны, наука до сих пор не знает ни одного случая одиноких человеческих семейств. За исключением случайных катастроф, человек всюду и везде жил и живет в обществе. Правда, археологи добывают отдельные, изолированные находки вроде челюсти гейдельбергского человека, но это отнюдь не доказывает одинокого образа жизни, так как в речных отложениях, где попадались такие находки, подчас не сохранились все части даже одного индивида. Такие археологические находки никак не могут служить доказательством одинокого образа жизни примитивных людей. В то же время исследования по истории языка, проведенные академиком Н. Я. Марром, дали новые доказательства стадного образа жизни древнейших людей: тот факт, что в истории языка множественное число древнее единственного, показывает, что примитивный индивид не выделял себя из коллектива, а это могло быть отражением не одиночного, а стадного существования.

С другой стороны, современные антропоиды оказываются животными, ведущими прочный стадный образ жизни. Английский ученый Пужерман доказал отсутствие сезонного спаривания — периода течки — у обезьян, чем он объясняет прочность их общественных соединений. Американский ученый Миллер собрал доказательства отсутствия семьи и наличия беспорядочного полового общения у высших обезьян. Если к этому присоединить многочисленные свидетельства Рейхенова и других исследователей относительно стадности антропоидов, то мы получаем совершенно определенный вывод: современные антро-

поиды, а тем паче ископаемые антропоиды, в частности предки человека, являются животными стадными, лицепными семьями как подразделения или особой ячейки внутри стаи.

В силу всего этого вопрос об образе жизни древнейшего человека может получить только одно решение. *Два потока фактических доказательств — один из мира антропоидов, другой из истории человеческого общества — устремляясь навстречу друг к другу, подводят нас к признанию стадной общественности древнейшего человечества.*

В этом стадном человеческом обществе, на основе коллективного труда началось и развитие человеческого разума, появились зачатки знания и искусства. Уже древнейшие люди мыслили понятиями, следовательно, были разумными людьми. Уже древнейшие люди обладали воображением. Активное приспособление человеческого стада к природе в процессе труда вызывало и активную переработку впечатлений окружающего мира, природного и человеческого. Без творческого стадного труда, как физического, так и умственного, не было бы и человечества: человек, общество и культура возникли одновременно.

Как бы ни мудрили некоторые буржуазные ученые, как бы они ни доказывали, что уже древнейшие люди знали частную собственность, моногамную семью, т. е. семью с одной женой и одним мужем, и т. д., факты науки беспощадно разбивают все их мудрствования. Достаточно представить себе синантропа и питекантропа, чтобы стало ясно, что бессилие каждого из них в отдельности в борьбе с природой, при крайнем несовершенстве их орудий, делало совершенно невозможным для индивидуума (отдельной особи) изолированное существование. Лишь первобытное объединение в стадо делало возможной борьбу древнейшего человека с природой, хотя бы с теми тиграми-саблезубами, кости которых откопаны в местонахождениях синантропа и гейдельбергского человека.

Научное исследование, очищенное от буржуазно-идеалистических извращений и кривотолкований, диктует совершенно отчетливый вывод: лишь в коллективе и через коллектив антропоид, обратив труд в необходимое условие существования, совершил скачок от животного к человеку. Длиннен и мучителен был путь, который вел от обезьяны к человеку. Он не оставляет ни пяди места для бредней

о божестве-творце, о райском блаженстве и прочих порождениях невежественного и налутанного воображения.

Путь этот во всей своей неприкрытой правде, подчас очень жестокой, не может не вселять в нас гордости за человека и уверенности в том, что человеческое общество, вышедшее из недр природы, в конце концов одержит полную победу над этой природой.

6. ИСТОЧНИКИ НАШИХ ЗНАНИЙ О ДРЕВНЕЙШЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

«История всего предшествующего общества есть история борьбы классов.» Таково одно из главных положений «Коммунистического манифеста», написанного в 1847 г. К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1890 г. Ф. Энгельс сделал к этому положению следующее примечание: «т. е., выражаясь точно, история, дошедшая до нас в письменных источниках»¹ Энгельс таким образом проводит резкое разграничение между писанной или письменной историей (т. е. основанной на письменных источниках) и историей неписанной или бесписьменной (т. е. основанной не на письменных источниках, которых еще не было, а на каких-то иных). Вся писанная история человечества заполнена борьбой между классами рабов и рабовладельцев, крепостных и помещиков-крепостников, пролетариев и капиталистов. Борьба эта бывала то скрытой, то явной, но она никогда не прерывалась. Еще за пять тысяч лет до наших дней, как свидетельствует надпись на одном каменном памятнике, откопанном в Лагаше, одном из государств древнейшей Месопотамии, происходили восстания крестьян и рабов против рабовладельцев, царских чиновников и жрецов, составлявших командующую верхушку этого государства.

Но история в том смысле, в каком это слово обычно употребляется, т. е. история, основанная на изучении сохранившихся письменных памятников, охватывает период не дальше, чем за пять-шесть тысяч лет назад в прошлое. А ведь человечество существует на земле не меньше двух-трех сотен тысячелетий. От всего этого гигантского проме-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии. Партиздат, 1932, стр. 17.

жутка времени, за вычетом последних шести тысячелетий, не осталось никаких письменных памятников. Неписанной истории, или, как она обычно называется, доистории или праистории, приходится прибегать к другим источникам, из которых мы укажем здесь лишь два самых существенных.

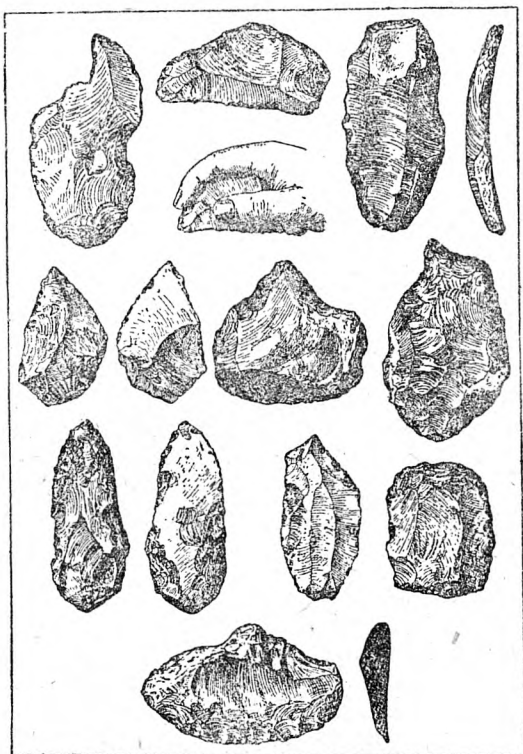

Рис. 9. Древнейшие грубо отесанные каменные орудия ископаемого человека.

Уже давно археологи (ученые исследователи памятников старины) стали откапывать в разных частях света такие орудия, остатки жилищ, посуду и прочие предметы хозяйственного обихода, которые по своему характеру могли относиться лишь к доисторическим временам, к тем временам, которые мы с полным правом могли бы назвать

стратосферой истории. В любом историческом или антропологическом музее можно видеть коллекции подобных предметов, которые в состоянии озадачить неосведомленного зрителя. Здесь и грубо отесанные, заостренные с одного края куски кремня, и неуклюжие каменные топоры, и искривленные деревянные палицы, и мелкие, в человеческий ноготь, кремневые осколки, и многое другое из рабочего инструментария и охотничьего арсенала наших первобытных предков. Собирая и систематизируя эти находки, археологи восстанавливают тот путь, по которому развивалась производственная деятельность доисторического человечества, а вместе с ней и вся его общественная жизнь.

Первобытной археологии не сразу удалось получить признание со стороны официальной науки. «С каким трудом, — пишет К. Маркс в своем письме к Энгельсу от 20 мая 1863 г., — прокладывают себе дорогу новые научные открытия даже в совершенно неполитических областях, об этом лучше всего свидетельствует книга Ляйелля (знаменитого английского геолога, выводы которого о древности земли и человека опрокидывали библейские легенды о сотворении мира. — В. Н.) «Древность человека». Еще в 1843 г. Шмерлинг нашел в Люттихе ископаемый череп из Энгиса и показал его Ляйеллю. Тогда же он написал и свою толстую книгу. И, несмотря на это, до настоящего времени ни один человек не считал достойным труда хотя бы серьезно исследовать это дело. Точно так же Буше-де-Перт еще в 1842 г. нашел в Аббевилле каменные орудия и правильно установил их геологический возраст, но лишь в конце 50-х годов его идеи нашли себе признание, — такие ничтожества являются блюстителем науки».

Буше-де-Перт, о котором говорит Маркс и который является основоположником археологии древнекаменного века, откопал в речных отложениях Соммы (река во Франции) грубо оббитые каменные орудия, лежавшие бок о бок с костями вымерших пород слонов и носорогов. Эти орудия показали, что возраст человека неизмеримо древнее всяких расчетов, которые производились учеными, не желавшими отказаться от мифической библейской хронологии. Один из виднейших ученых того времени, Кювье, провозгласил даже лозунг: «Нет ископаемого человека». Поэтому университетские профессора в штаны встретили

открытия Буше - де - Перта. На заседании Французской академии наук ее секретарь, геолог Бомон, заявил, что мнение Кювье не может быть оспорено и что находки Буше-де-Перта имеют римское происхождение, т. е. были орудиями древних римлян. Сочинения Буше-де-Перта были немедленно после его смерти, в 1868 г., изъяты из продажи по проискам поповствующих ученых. Однако дальнейшие археологические находки блестяще подтвердили правоту Буше-де-Перта. В самых разнообразных местах, преимущественно в трудно доступных теперь пещерах и гротах, обнаружены не только орудия ископаемого человека, не только различные следы его хозяйствен-

Рис. 10. Пещера ископаемого человека в Астурии (Испания). Пунктирные линии показывают высоту разных слоев с культурными остатками человека.

ной деятельности, но и многочисленные рисунки, принадлежащие неведомым художникам «дремуче-древней», как выразился Ф. Энгельс, старины. Много замечательных находок подобного рода сделано и на территории СССР. На берегу Дона, например, в селении Гагарино близ Липецка, было обнаружено жилище доисторического человека, тщательно исследованное в 1928—29 гг. Все внутреннее пространство было здесь заполнено кремневыми и костяными изделиями, кусками охры, осколками кремня и кости. Наряду с 600 кремневых орудий, отсюда было извлечено много других изделий — из бивня мамонта, среди них шесть статуэток, представлявших изображения женщин.

Но, разумеется, по одним этим памятникам, которые являются, по существу, немыми, науке никогда не удалось бы восстановить более или менее полно картину развития первобытного общества, если бы на помощь археологии не пришла этнография, наука, исследующая быт и нравы разных племен и народов на земле. Еще и теперь в некоторых отдаленных углах земного шара сохранились племена, которые не знают разделения общества на классы, частной собственности, государственной власти. В 1924 г. английский летчик Гэрли, обследуя на гидросамолете внутреннюю территорию острова Новой Гвинеи, куда до него не проникала нога европейцев, обнаружил здесь целый ряд деревень на сваях, населенных темнокожими папуасами. Эти туземцы не знали ни железа, ни письменности, ни торговли, ни государственности, ни разделения на классы. За последние два года на той же Новой Гвинее было открыто еще около 230 тыс. папуасов, которые до сих пор пользуются исключительно каменными орудиями. Подобные, крайне отсталые племена живут, правда, в очень небольшом количестве (около 30 тыс. человек), и во внутренних, малодоступных областях австралийского материка.

Всюду, где отсталым народностям приходилось сталкиваться с европейскими колонистами, участь их оказывалась безнадежной. Белые двуногие хищники захватывали лучшие земельные участки, а туземцев истребляли или превращали в рабов, обреченных на непосильный труд и голодное существование. Алкоголь и сифилис, неизменные спутники европейской колонизации, ускоряли процесс вымирания отсталых народов, и сейчас в некоторых местах от многочисленного когда-то туземного населения не осталось ни одного человека (например, на Новой Зеландии или Тасмании). Все же многие из этих племен были до своего окончательного исчезновения тщательно изучены некоторыми путешественниками и этнографами. Труды великого американского ученого Льюиса Моргана о североамериканских индейцах, исследования немецкого путешественника Карла Штейнена о южноамериканских индейцах, богатые материалы, собранные английскими этнографами Б. Спенсером и Ф. Гилленом об австралийцах, русским путешественником Миклухой-Маклаем о папуасах и т. д., и т. д. — все это позволило разносторонне изучить

производство, общественный строй, быт и духовный мир дикаря. И вот, оказалось, что сохранившиеся в некоторых уголках земного шара так называемые наименее культурные общества не только сами служат ценным источником для понимания далекого доисторического прошлого, но и помогают расшифровывать те немые памятники, которые откапываются в земле археологией.

Какое огромное значение имеют наблюдения этнографов для расшифровки материалов археологии, которые

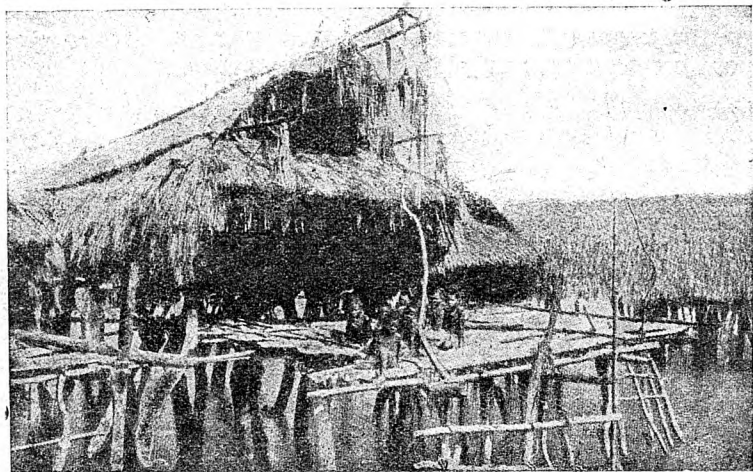

Рис. 11. Свайная постройка папуасов на Новой Гвинее.

сами по себе порой совершенно непонятны, показывают хотя бы следующие два примера. Уже с первых шагов первобытной археологии исследователей поражало следующее обстоятельство. Среди множества рисунков, покрывающих стены и своды пещер, в которых находили себе убежище наши ископаемые предки, очень редко встречаются изображения людей. Редко встречаются человеческие изображения и среди статуэток из кости или глины, которые в значительном количестве обнаружены в стоянках доисторического человека. Но даже в тех случаях, когда человеческие изображения попадают на глаза исследователей, они неизменно носят какой-то странный, причудливый, подчас нарочито уродливый облик. Археологи

делят человеческие изображения, сохранившиеся от ископаемых людей, на три категории. Либо эти изображения, вполне точно и правдиво воспроизводя тело человека, совершенно безлики, т. е. не имеют лица или дают его в виде самого глубокого намека; либо они дают очень отчетливое изображение лица, но лицо это имеет совершенно уродливый вид: глаза непомерно велики, нос напоминает птичий клюв, все лицо похоже на звериную морду и т. д.; либо, наконец, изображения воспроизводят каких-то странных существ, полулюдей-полуживотных, например людей, с головами медведей, хвостами бизонов и т. д. Эта особенность пещерных изображений не может быть объяснена

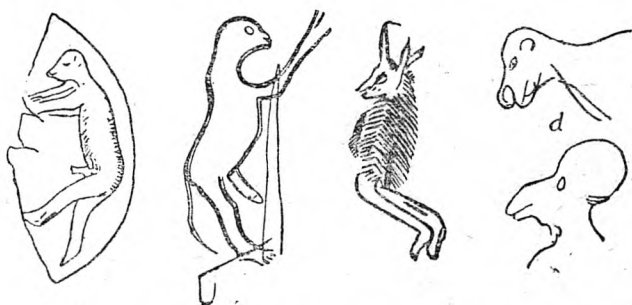

Рис. 12. Пещерные изображения ряженных людей (из пещеры ископаемого человека во Франции).

бездарностью или неумелостью доисторических художников, так как изображения животных, встречающиеся в тех же пещерах, порой поражают своей правдивостью, своим художественным совершенством. Объяснение этой загадки мы получаем от этнографии. Многочисленные наблюдатели сообщают нам о том, что дикари с суеверным страхом относятся к изображениям людей, к портретам и фотографиям. Они придают человеческим изображениям колдовское значение; они верят, что, имея в руках изображение какого-нибудь человека, можно колдовским образом причинить любой вред самому человеку. В портрете, в изображении человека они видят двойника человека, его душу. Дикари всячески уклоняются от того, чтобы их рисовали или фотографировали. В одном селении на низовьях реки Юкона (в Северной Америке) некий иссле-

дователь вздумал сфотографировать эскимосов, разгуливающих у своих хижин. В тот момент, когда он установил свой аппарат, появился начальник племени и настойчиво потребовал разрешения заглянуть под покрывало. Ему разрешили это сделать. Он внимательно в течение минуты рассматривал фигуры, которые двигались перед его глазами, затем внезапно высунул голову из-под покрывала и изо всех сил закричал: «Он все наши изображения собрал в своей коробке». Среди эскимосов поднялась паника, и они врассыпную бросились по своим хижинам. В Сиаме еще недавно европейцам, попадавшим в джунгли, достаточно бывало навести фотоаппарат на толпу туземцев, чтобы она немедленно рассеялась. Сиамский король раньше не разрешал вычеканивать свой портрет на монетах. В некоторых местах Европы до сих пор сохранилось это суеверное отношение к изображениям людей. В Шотландии встречаются старики, которые не позволяют рисовать или фотографировать себя из страха, что это принесет им несчастье.

Та же этнография показывает нам, что в религиозном быту дикарей очень большую роль играет маскировка и ряжение. Какой-нибудь австралийский, индейский или африканский колдун или знахарь во время религиозных церемоний никогда не появляется в обычном виде. Он всегда наряжается самым причудливым образом, до полной неузнаваемости изменяя свою наружность, чтобы внушить страх и благоговение. Отправляясь на охоту или в военный поход, дикари всегда устраивают колдовские пляски, во время которых обряжаются в маски и шкуры зверей и проделывают всякие колдовские манипуляции над изображениями животных, на которых они собираются охотиться или над изображениями врагов, против которых они собираются выступать.

Теперь нам становится понятным, почему ископаемые статуэтки женщин, а их имеется несколько десятков, все как одна безлики, почему так причудливы и нелепы изображения людей на стенах и сводах пещер, в которых ютился первобытный человек. Эти изображения не плоды работы досужего первобытного художника и не для развлечения покрывались ими стены и своды пещер, эти изображения имели колдовское значение. В пещере Трех Братьев (во Франции) археолог Бегуан обнаружил следую-

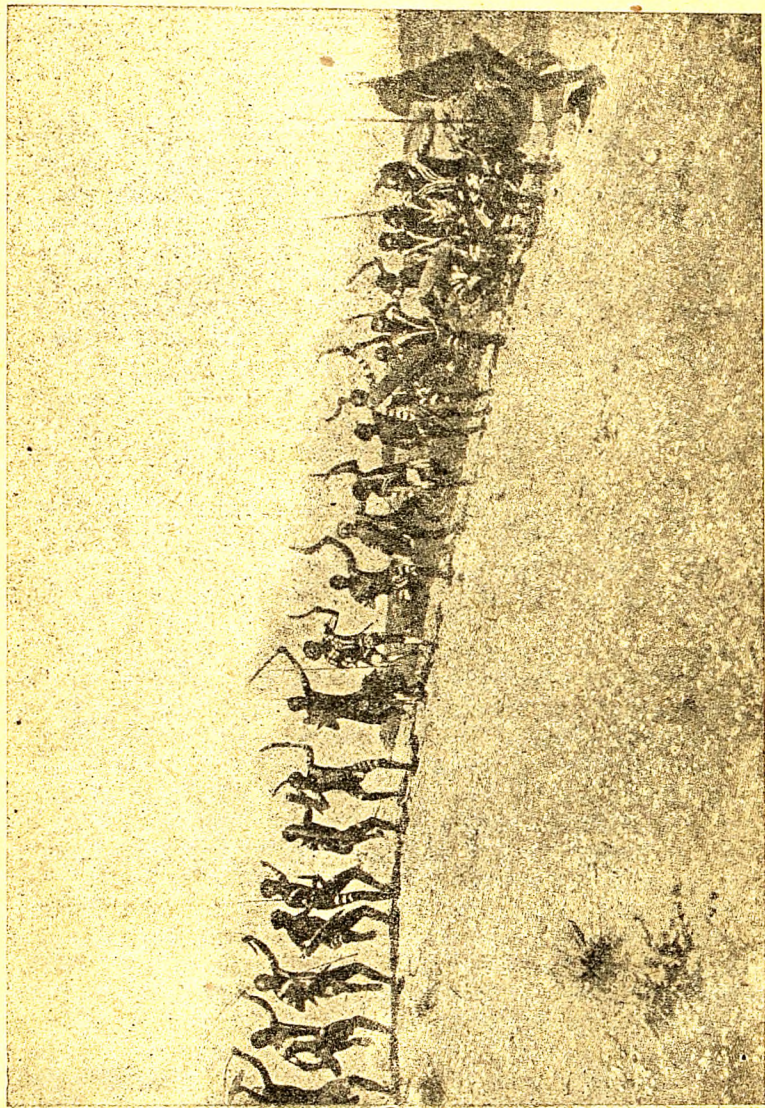

Рис. 13. Военный танец причудливо разукрашенных дикарей (перед началом поединков) в Австралии.

щее изображение. На одной из стен, на глубине трех метров под землей, на расстоянии пятисот метров от входа нарисован почти в натуральную величину и в два цвета, черный и красный, обнаженный пляшущий мужчина. У его ног на скале нарисованы львы, тигры, олени, бизоны, медведи со следами ран, с вонзившимися в них стрелами, с поражающими их дубинами и т. д. На глинистой почве около этого изображения еще сохранились отпечатки множества голых ног.

Этнография разъясняет нам смысл этой находки. Пред нами памятник первобытного охотничьего колдовства. Отпечатки ног остались после колдовской пляски, а рисунок на стене изображает ряженого колдуна. «На его руки, — говорит Бегуан, — натянуты лапы льва с острыми когтями, голова его покрыта маской, у которой борода бизона, клюв орла, глаза совы, уши волка и рога оленя. К спине у него подвязан лошадиный хвост. Таким образом, он колдовским путем воспринял и воплотил в себе физические свойства всех указанных животных: отвагу льва, орлиную зоркость при дневном свете и ночную зор-

кость совы, тонкий слух волка, напористость и силу бизона, быстроту и легкость лошади и оленя. Колдовские изображения животных, пораженных стрелами и дубинами, тоже должны были содействовать успеху охоты».

А вот и второй пример. В некоторых стоянках первобытного человека в большом количестве встречаются мелкие осколки кремня (микролиты), которым искусственно придана правильная геометрическая форма. Их назначение осталось бы непонятным, если бы у некоторых современных отсталых племен не были обнаружены подобные

Рис. 14. Изображение колдуна из пещеры Трех Братьев (во Франции).

же микролиты, которые употребляются для разных целей. Их вделывают в гарпуны с таким расчетом, чтобы при попадании гарпуна эти осколки застряли в ране и разбередили ее, их используют в качестве зубьев для пил, их применяют при татуировке и т. д. Уже этих примеров (а их можно было бы умножить) достаточно, чтобы показать, какое значение в изучении истории первобытного человечества имеет сочетание данных археологии и материалов этнографии. Этнография позволяет нам прочесть каменную

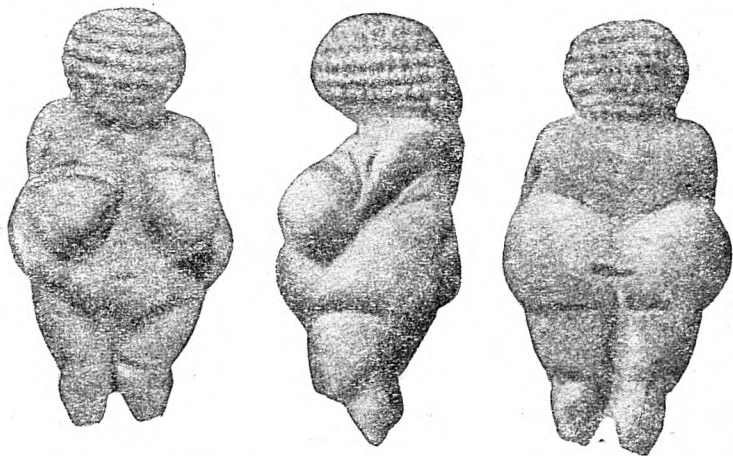

Рис. 15. Каменная статуэтка женщины (так называемая Виллендорфская Венера) из пещеры ископаемого человека в Австрии.

летопись археологии, а археология указывает, где следует искать корни многих странных на первый взгляд явлений в быту отсталых племен и народов.

Многочисленные археологические раскопки показали, что и в Европе и в других частях света на месте многих нынешних гигантских городов с их небоскребами и чудесами техники, когда-то, в незапамятной древности, существовали такие же жалкие жилища, какие сохранились у австралийцев, или такие же свайные постройки, какие теперь еще находят у папуасов Новой Гвинеи. В этих жилищах ютились люди, мало чем отличавшиеся от нынешних самых отсталых народов, а порой еще менее воору-

ясные в борьбе с природой, чем они. Сопоставление результатов археологических раскопок в так называемых цивилизованных странах с обильными материалами этнографии показывает с полной ясностью, что, во-первых, *все люди были когда-то дикарями*, и что, во-вторых, *сохранившиеся поныне в разных частях света дикари являются осколками древнейшего человечества*, которое так же, как и они, не знало ни железа, ни частной собственности, ни государства.

7. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ В РАЗВИТИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

С тех пор как ископаемая высшая человекообразная обезьяна начала выделывать орудия и при помощи этих орудий активно воздействовать на природу, с тех пор, словом, как появился человек, — с этого времени появилась и человеческая культура. Какого бы самого отсталого, самого беспомощного, самого темного дикаря в прошлом или в настоящем мы ни взяли, говорить о полном отсутствии у него культуры не приходится. Под культурой в широком смысле этого слова следует понимать, по определению крупнейшего марксистского историка М. Н. Покровского, «совокупность всего созданного усилиями человека, в противоположность тому, что даром, без усилий с нашей стороны, дает нам природа». Без разумного, целесообразного труда нет человека; но там, где хотя бы в самом зачаточном виде есть этот разумный, сознательный труд, там уже налицо и культура. У животных, как бы высоко ни стоя-

мы малокультурные люди. Знаменитый путешественник прошлого века Стэнли рассказывает такой случай. В одной африканской колонии, где в лесных зарослях живет племя негров-карликов, так называемых пигмеев, один европейский торговец вздумал поиздеваться над туземцем. «Какие вы люди, — сказал он ему, — вы обезьяны». «Нет, — простодушно ответил негр, — мы не обезьяны, обезьяны не умеют разжигать костер и подкладывать под

Рис. 16. Отпечатки рук, сделанные с колдовской целью на стене пещеры ископаемого человека в Кастильо (Испания).

В одном мире с нами». Австралийцы не лучше огнезёмельцев. Они тоже ведут бродячий образ жизни. Они тоже не умеют варить пищу. Ходят они нагишом, питаются они плодами и корнями диких растений, мелкими животными, в том числе насекомыми. Гусеницы, пауки, вши и другие насекомые являются для них лакомым куском. И тем не менее как огнезёмельцы, так и австралийцы имеют уже какую-то свою культуру, причем культура эта значительно

Рис. 17. Семья огнезёмельцев перед своим убогим жилищем.

ушла вперед от культуры самых древних наших предков. Таким образом, когда мы говорим об обществах с дикарской культурой, безразлично, относится ли это к далекому прошлому или к современности, то мы имеем этим в виду такие общества, культура которых крайне низка, неразвита, или, как говорят в научной литературе, примитивна, т. е. первобытна, но отнюдь не отсутствует совсем, ибо людей без всякой культуры не существует.

Слаб и беспомощен был первобытный наш предок в борьбе с природой. Палка, дубина, грубо отесанный ка-

мень — вот те орудия, с которыми древнейший человек, сохранивший в себе много следов своего обезьяньего происхождения, вступил в борьбу с природой за свое жалкое и тяжелое существование. Защитой от холода, ночного мрака и непогоды ему служил огонь, раскладывавшийся где-нибудь в пещере, расщелине скалы или под немудрыми переносным навесом, сплетенным из ветвей. Ни земледелия, ни скотоводства еще не существовало. Плоды и корни диких растений, насекомые, мелкие животные — вот пища, которую древнейший человек в состоянии был получать при помощи своих несложных орудий. Пища давалась в сыром виде, так как варить ее еще не научил.

В одиночку или отдельными семьями древнейший человек, не имевший никаких запасов, не наделенный сными природными органами защиты и нападения, не мог бы просуществовать и самое короткое время. Лишь совместная жизнь и совместный труд обеспечили древнейшим людям не только существование, но и неуклонное, хотя крайне медленное развитие, расширявшее и углублявшее власть человека над природой. В коллективе и через коллектив древнейшие люди, подгоняемые голодом, постепенно доходили до замены более простых орудий производства другими, более совершенными.

Археологические исследования показали, что в доисторическом обществе на протяжении десятков тысячелетий совершалась медленная смена одних орудий другими. Сначала дубина, палка и грубо отесанные камни постепенно отступали на задний план перед разнообразными хорошо отточенными каменными, костяными и деревянными орудиями, из которых каждое в отдельности имело свое специальное назначение. Появились колья, ножи, скребки, сверла, иглы, гарпуны, топоры и т. д. Эти орудия в свою очередь сменились металлическими орудиями сначала из меди и бронзы, а затем и из железа. По смене этих орудий археологи разделили те тысячелетия, на которых растянулась история первобытного человечества, или, точнее, доистория, на три периода — на каменный, бронзовый и железный «века» (каждый из этих «веков» продолжался, конечно, больше одного столетия).

Наиболее продолжительным был каменный век, сравнению с которым пять-шесть тысячелетий писанной истории оказываются самым ничтожным отрезком в

мени. Он длился целые сотни тысячелетий. Для того, чтобы легче было ориентироваться в развитии культуры за этот колоссальный период, археологи подразделили его на шесть эпох. В основу деления ими положена смена способов камнеобделывания, т. е. выработки каменных орудий. Эти орудия откапываются в земле, в так называемых

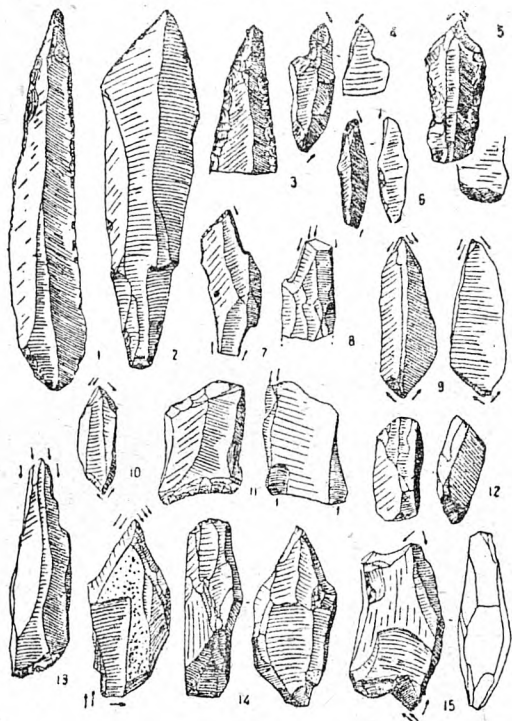

Рис. 18. Каменные орудия ископаемого человека из стоянки в Гагарине.

культурных слоях, т. е. в тех пластах почвы, где в силу каких-нибудь обстоятельств сохранились ископаемые остатки человеческой культуры.

Сопоставляя самые разнообразные каменные орудия, найденные в земле, археологи установили целый ряд типов или, как они говорят, «культур», следовавших друг за другом во времени. Каждая из этих «культур» названа по

имени того населенного пункта, вблизи которого впервые раскопана какая-нибудь стоянка первобытного человека с сохранившимися орудиями данного типа. Когда ученый археолог употребляет термин «стоянка ориньякского типа» или «стоянка ориньякской культуры», то это означает, что здесь найдены орудия, по своему виду и характеру

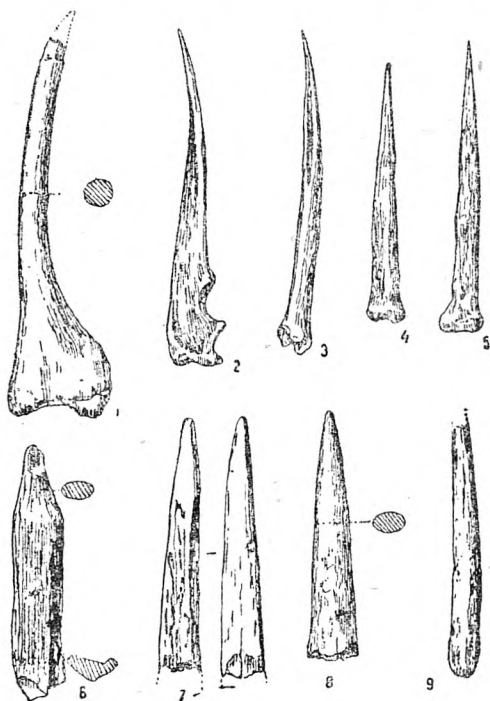

Рис. 19. Орудия (иглы и наконечники из кости, найденные в Гагаринѣ; 6 сделаны из мамонтовой кости.

принадлежащие к тому типу, который впервые был обнаружен близ французского селения Ориньяк.

Все обнаруженные археологами «культуры» каменного века, будучи размещены по своей последовательности во времени, составляют шесть основных эпох каменного века. Эпохи эти следующие: эолит, или «заря камня» (от гре-

Ческих «эос» — заря и «литос» — камень), палеолит, или «древний камень» (палеолит включает три эпохи — нижний палеолит, средний и верхний), протонеолит, или «начало нового камня» (т. е. переходная эпоха от палеолита к следующей эпохе) и неолит, или «новый камень».

Эпоха эолита характеризуется крайне грубыми (преимущественно кремневыми) орудиями, которые очень трудно порой отличить от природных осколков камня. Эти орудия еще не имели определенной формы, а следовательно и определенного назначения. Эпоха нижнего палеолита называется иначе эпохой тесаных орудий, когда появляются орудия, имеющие уже определенную форму, но лишённые, однако, еще специального назначения. Это так называемые ручные ударники, т. е. орудия, которые одновременно могут служить и для рытья, и для удара, и для резания и т. д. Далее следует эпоха среднего палеолита, или скелотых орудий, когда путем скалывания выделялись два основных типа: остроконечник и скребло. В эпоху верхнего палеолита, или отжимных орудий, человек научился путем вырезывания (или «отжимания») готовить целый ассортимент орудий разного назначения из камня и кости. В эпоху протонеолита орудия становятся еще разнообразнее: появляются первые грубые топоры, начинают применяться в технике искусно изготовленные мелкие камни (микrolиты), при помощи которых первобытные мастера умудряются пилить, производить татуировку, сооружать разрывные гарпуны и т. д. Наконец, наступает расцвет камнеобделывания, или эпоха неолита, характеризующаяся тщательно выделанными, целиком полированными орудиями (топорами, ножами и т. д.).

Поскольку культурные слои, исследуемые археологами, поддаются хотя бы приблизительной датировке, т. е. определению их давности по геологическим и другим признакам, то археологические эпохи применяются в истории первобытного доклассового общества как хронологические вехи, позволяющие приблизительно указывать время, в которое происходили те или иные процессы в развитии первобытного человечества. Когда мы, например, говорим, что появление членораздельной речи у человека или возникновение религии относятся к эпохе среднего палеолита, то это означает, что эти столь важные в истории че-

ловческие процессы относятся к тому времени, когда люди не поднялись еще выше скелотой техники камнеобделывания. А так как техника скелотых орудий, судя по геологической древности тех пластов почвы, в которых ее находят, могла появиться чуть ли не за 100 тыс. лет назад, то мы получаем возможность хотя бы приблизительно установить древность членораздельной речи и религии.

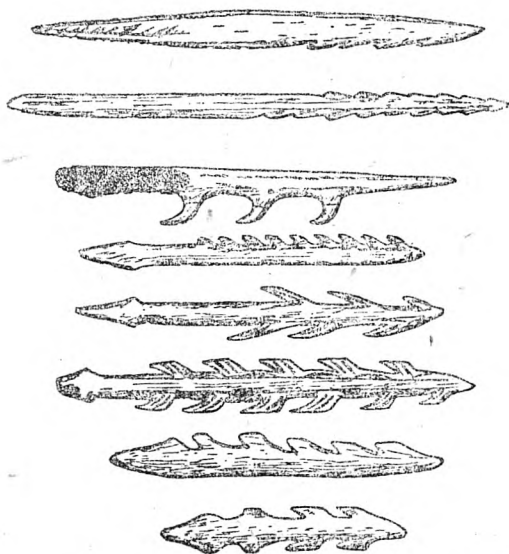

Рис. 20. Коллекция гарпунов эпохи верхнего палеолита, показывающая их постепенное совершенствование.

Основные этапы в истории доклассового общества, основные стадии в развитии его культуры намечены и охарактеризованы Фридрихом Энгельсом в его гениальном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Позднейшие исследования блестяще подтвердили выводы Энгельса. Не «золотым веком», не «райским блаженством» начинается путь человечества на земле. Древнейшее человечество начало свой путь от жалкого стадного состояния и к заре писанной истории оно прошло в основном две стадии — стадию дикости и стадию варвар-

ства. Каждая из них характеризуется своими особыми формами производства, семьи, общественной организации и духовной культуры.

8. ДИКОЕ СОСТОЯНИЕ

Как же жили люди в доклассовом обществе? Еще древне-греческий философ Аристотель называл человека общественным животным. Научные исследования показали, что и самые первые люди на земле жили группами (хотя и очень небольшими), до того простыми, что в них не было даже деления на семьи. Это и были первобытные человеческие стада. Здесь мужчины еще не жили постоянно с женщинами, дети же находились на попечении всего общественного коллектива после того, как мать их отделяла от себя. Здесь не было еще брака и семьи. Все члены первобытного стада являлись естественными родственниками между собой. Здесь господствовало еще полное равенство между членами каждого коллектива. Это было, разумеется, равенство крайней бедности, жалкого существования и тяжелой борьбы за жизнь. Судя по строению челюстей древнейшего человека, он не владел еще членораздельной звуковой речью. Члены первобытного стада должны были общаться между собой криками и жестами. Пережитки этого древнейшего языка по сие время сохранились у австралийцев.

Где ютился древнейший человек? Первобытное человеческое стадо вело бродячий образ жизни в постоянных поисках пищи, и днем, вероятно, переходило с места на место. Но ночь и непогода должны были вынуждать первобытного человека находить себе прикрытие от холода и хищников. Нашим предкам в Европе приходилось жить в климате не очень жарком, хотя и более теплом, чем нынешний, и среди таких страшных хищников, о которых смутное представление дают сказки о драконах, змеях и прочих чудовищах, представляющие собой фантастическое воспоминание о саблезубых тиграх, исполинских носорогах, зубастых птицах и других чудовищах, обитавших в Европе в эти отдаленные времена. Судя по всему, первыми жилищами и излюбленными убежищами первобытного человека являлись пещеры, особенно такие, которые находились близко от воды. Недаром большая часть стоя-

нок первобытного человека обнаружена в пещерах, а кости его и орудия попадают, кроме пещер, главным образом в речных наносах. Из-за пещер человеку приходилось, по-видимому, сталкиваться с животными, облюбовавшими эти пещеры до него. Всего чаще приходилось ему оспаривать пещеры у медведей, так как следы его борьбы с ними в большом количестве сохранились до нашего времени. В пещерах же чаще всего обнаруживаются в большом количестве остатки животных, которыми питался первобытный человек. Кости этих животных обычно расколоты вдоль для извлечения костного мозга, до которого первобытный человек был большим охотником. Недостаток пещер заставлял первобытного человека искать убежища в дуплах деревьев или на ветвях среди листьев. По сообщению путешественника Нахтитала, некоторые африканские дикари и теперь еще ищут прикрытие от врагов в древесной листве, а Миклуха-Маклай рассказывает, что туземцы Соломоновых островов и поныне устраивают свои логовища самым первобытным способом на больших развесистых деревьях, куда они взбираются обыкновенно по наклонно наложенным жердям, убираемым на ночь. Прошли многие века, пока человек додумался до самого убогого шалаша, и тысячелетия, пока он научился строить что-либо похожее на дома.

Судя по тому, что рядом с костями синантропа (древнейшего человека, обнаруженного в пещере около Бэйпина), найден значительный слой золы, уже в первобытном стаде человек умел пользоваться огнем (для тепла, для отпугивания хищников), но добывать огонь человек научился сравнительно поздно. Люди всегда задумывались над вопросом, откуда взялось умение пользоваться огнем, кто научил человека добывать его. У всех народов имеются мифы, т. е. сказки о сверхъестественном происхождении искусства добывания огня. Самым красивым и поэтическим из этих мифов является древнегреческий миф о Прометее. Когда-то люди — так рассказывается в этом мифе, — не знали огня, потому что бог Зевс нарочно не дал им его, чтобы они были смиренными и покорными. Могучий титан-богоборец Прометей тайно похитил с неба искру, принес ее людям и научил их пользоваться огнем. Эта «искра Прометея» вселила в людей волю к борьбе, порыв к движению вперед, стремление к овладению тай-

лами природы. В наказание Зевс приковал Прометея навеки к Кавказской скале, пронзил ему грудь и приставил к нему орла, который каждый день выклевывал ему печень. За ночь печень опять отрастала, днем снова прилетал орел и выклевывал ее. Несмотря на страшные мучения, Прометей так и не смирился перед богами. «Огонь Прометея» сохранился в мировой поэзии как символ дерзания, мужественного стремления к идеалу, беззаветной борьбы с рабской костью.

Но как ни красив и поэтичен миф о Прометее, он является только сказкой. А как же происходило дело в действительности? Благодетельную и губительную силу огня первобытные люди легко могли узнать, сталкиваясь с различными явлениями природы, с лесными пожарами от ударов молнии, со степными пожарами от самовозгорания травы во время засухи, с действием лавы при вулканических извержениях. Обнаружив, что некоторые горючие материалы обладают способностью долго тлеть, т. е. медленно гореть без пламени в течение многих часов, а порой и дней, первобытные люди постепенно могли научиться поддерживать и сохранять огонь. Как известно, сохранение огня было священным делом для народов глубокой древности. Еще у древних римлян существовал обычай поддерживать неугасимый огонь в храме богини Весты. Жрицы, на которых лежала эта обязанность, или, как их называли, весталки, должны были всю свою жизнь сохранить девственную чистоту, за нарушение которой их живьем закапывали в землю. Важнейшей обязанностью женщины у большинства первобытных охотников и скотоводов является переноска с места на место тлеющей головни или тлеющего мха, чтобы в любой момент можно было раздуть огонь. Даже у тех дикарей, которые уже научились добывать огонь, сохранение его является весьма важным и ответственным делом.

Но от умения использовать естественный огонь и сохранить его до умения добывать огонь — расстояние немалое и пройдено оно первобытным человеком в течение многих веков. Подбирая наиболее подходящий материал для сберегания огня, люди должны были заметить, что лучшим тлеющим веществом, лучшим видом трута является древесная мука, т. е. мелкие опилки, получаемые от обработки дерева при помощи раковины, камня или звериного зуба.

Сверлить или тереть дерево при помощи камня или раковины людям приходилось с тех пор, как они научились делать первые орудия. Обычай пользоваться древесной мукой для поддержания огня должен был прочно войти в обиход человека. Но что же должны были делать первобытные люди, когда они попадали в такие места, где не было ни камней, ни раковин? Для получения древесной муки им приходилось сверлить или тереть дерево уже не камнем или раковиной, а другим куском дерева. Это не могло не привести к открытию того способа добывания огня, который наиболее распространен среди остальных народов земли, т. е. путем сверления или трения одного куска дерева другим. *Не сверхъестественная сила, не счастливый случай, не изобретательность отдельных гениев, а трудовая повседневная практика привела людей еще на стадии дикости к одному из величайших в истории человеческого рода открытий.* Значение этого открытия как нельзя лучше охарактеризовано Энгельсом: «Как бы ни велики были предшествовавшие ему открытия в виде изобретения орудий и приручения животных, но, только научившись добывать огонь с помощью трения, люди впервые подчинили себе неорганическую силу природы»¹.

Энгельс называет «приручение животных» в числе изобретений, предшествовавших открытию способа добывания огня. Необходимо, однако, иметь в виду, что на стадии дикости приручение животных человеком ограничилось одной собакой. Что собака была самым древним домашним животным, доказывается тем, что ее скелет раньше скелетов других животных встречается вместе с другими останками в первобытных человеческих стоянках. В то время как кости других животных, откапываемых вместе с человеком, всегда попадаются разбитыми для добычи костного мозга, кости собаки обычно встречаются целыми; очевидно, собаки лишь очень редко употреблялись в пищу. Домашнюю собаку знают даже такие малокультурные дикари, как австралийцы.

Первобытный человек был всеядным. Он не брезгал ничем, даже падалью. В случаях нужды, голода, а такие случаи не бывали редкостью, дело доходило и до людоед-

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, изд. 5-е, Соцэкгиз, 1931, стр. 202.

ства. Некоторые отсталые племена в Африке и до сих пор едят в сыром виде все, что им попадается: змей, птиц, крыс, плоды и корни. Первобытный человек, еще не научившийся вполне прямой походке, еще не умевший метать и бросать как следует камни и орудия, добывал себе пищу исключительно собиранием растений и мелких животных. Лишь усовершенствование орудий, превращение палки в копье, появление метательных палиц (бумерангов) и т. д. позволили первобытному человеку заняться охотой сначала на мелких, а потом и на крупных животных.

С появлением новых орудий, с ростом производительности труда размеры общественной группы, способной прожить на одном и том же участке территории, стали увеличиваться. Первобытные человеческие стада разрослись и превратились в первобытные племена.

Еще в первобытном стаде в силу естественного отбора, как подчеркивает Энгельс, беспорядочное общение полов (промискуитет), в котором жили первые люди подобно высшим человекообразным обезьянам, подверглось первому ограничению: браки между мужчинами и женщинами двух смежных поколений (между «родителями» и «детьми») были запрещены. Возникла так называемая кровно-родственная семья. В кровно-родственной семье промискуитет (т. е. нерегулированное общение полов) ограничен уже рамками одного поколения. С превращением стада в первобытное племя брачно-семейные отношения в силу того же естественного отбора, т. е. в силу стремления к получению более здорового и сильного потомства, подвергаются дальнейшим ограничениям. Если когда-то все члены общественного коллектива могли беспрепятственно вступать в брак между собой, то теперь брак стал допускаться внутри племени лишь между определенными группами в зависимости от степени их родства. Родители уже больше не могли вступать в брак с детьми, братья с сестрами и т. д. Каждое племя делилось на брачные секции, которые были экзогамны, т. е. члены их не имели права вступать в брак между собой, а должны были искать себе жениха или невесту из какой-нибудь другой определенной группы. Здесь еще нет индивидуального брака, как и индивидуального родства. Здесь не отдельные личности, а целые группы считаются находящимися в браке. Здесь говорили не «мой отец» или «мой муж»,

«моя сестра», а — «наши отцы», «наши мужья», «наши сестры» и т. д. Как показывают исследования крупнейших австраловедов современности, Б. Спенсера и Ф. Гиллена, у австралийского племени урабунна, общественный строй которого является особенно отсталым, индивидуальный брак не существует ни номинально, ни фактически. Племя это делится на две брачных секции, на две групповых семьи: мужчины и женщины, принадлежащие к одной и той же секции, не могут вступать в брак между собой; напротив, мужчины и женщины разных секций считаются супругами по отношению друг к другу, даже если реально они и не осуществляют своих «супружеских прав».

Групповая семья, как и кровно-родственная, не является хозяйственной ячейкой. Хозяйственными ячейками в племени служили отдельные территориальные группы, имевшие в своем владении определенные кормовые участки, являвшиеся частью той земли, которая была коллективной собственностью племени. Еще задолго до оседлой жизни, т. е. еще в диком состоянии, в человеческом обществе появилось разделение труда. Оно первоначально заключалось в том, что люди разного пола и возраста производили разную работу. Например, изготовление таких сложных орудий, как лук, стрелы, бумеранги (метательные палицы, обладающие свойством возвращаться к метальщику), было по силам лишь самым опытным, старшим мужчинам. Охотничьи экспедиции на крупных зверей могли совершаться только мужчинами в полном расцвете сил. Собираание же растений, изготовление растительной пищи, как и наблюдение за детьми, стало уделом женщины. Это разделение труда между полами и возрастами в первобытном племени, однако, не имело ничего общего с разделением на классы. Основой всякого деления на классы является частная собственность на землю, орудия и прочие средства производства. Но *такой частной собственности в первобытном человеческом обществе не было и быть не могло.*

Производство в первобытном племени, даже на высшей ступени дикости, когда усовершенствовалась уже охота, когда возникло уже рыболовство, а с ним и судоходство на сделанных из коры челноках или выдолбленных стволах однодеревках, стояло все же на таком низком уровне, что отдельный человек в одиночку не был в со-

стоянии обеспечить себя полностью пищей, жильем и одеждой. Убить ли крупного зверя, построить ли хижину из срубленных деревьев, изготовить ли плот, лодку или сеть для рыбной ловли можно было только при совместном труде и при коллективной собственности на землю, орудия и продукты производства. Вместе с тем производительность труда была столь низка, что не могло быть почвы для эксплуатации: человек еле себя прокармливал, а уж на прокорм другого он ничего не в состоянии был

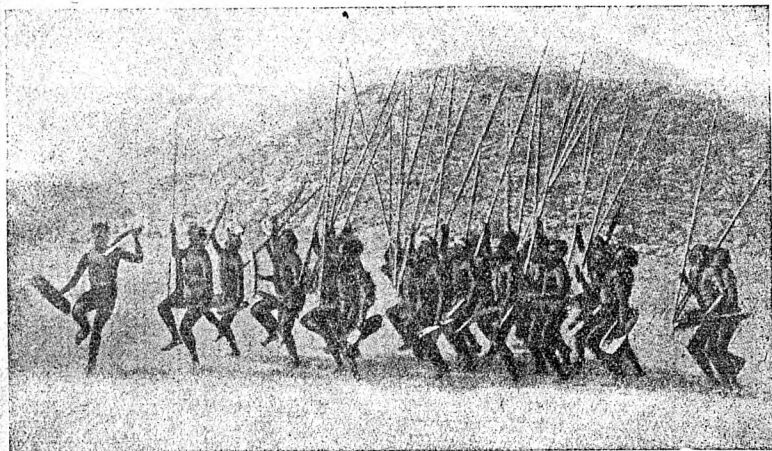

Рис. 21. Торжественная пляска австралийцев при посещении стоянки чужого племени.

выработать. Да и кормиться, т. е. добывать пищу, человек мог не в одиночку, а группами, небольшими коллективами, входившими в состав племени. Все, что приносилось мужчинами, добычками мясной пищи, и женщинами, собирательницами растительной пищи, шло в общий котел коллектива. Изучение австралийцев показывает, что у дикаря вырабатывались очень жесткие правила относительно распределения добычи между членами коллектива. Словом, мы уже на стадии дикости находим те отношения между членами общества, которые получили в науке название первобытного коммунизма. Но здесь они еще не получили полного развития. Своего расцвета первобытный коммунизм достиг на стадии варварства.

Таким образом, стадия дикости охватывает гигантский период от появления человечества до протонеолита, до появления глиняной посуды и постоянных запасов, т. е. период в несколько сот тысячелетий. В Европе она закончилась тысячу пятнадцать лет тому назад, но в некоторых уголках земли, например в кустарниковых зарослях Австралии, живые осколки этой стадии сохранились и до сих пор.

9. ВАРВАРСТВО

Выражение «дикарь» имеет в истории доклассового общества несколько иной смысл, чем оно имело первоначально у тех писателей и путешественников, которые ввели его в употребление. Под дикарем еще в XVIII в. разумели человека, лишенного всякой культуры, «дитя природы», существо, недалеко ушедшее от диких животных. Мы видели, что людей, лишенных всякой культуры, не знает ни этнография, ни археология. Для науки дикари — это первобытные люди, стоящие на очень низкой ступени культурного развития, это люди, которые еще не знают ни земледелия, ни глиняной посуды, ни оседлости, которые живут еще небольшими племенами, разделенными на бродячие орды собирателей и охотников.

Такое же перетолкование получило в науке и выражение «варвар». «Варвар» — это слово, которое служило древним грекам и римлянам презрительной кличкой для всех народов, чуждых античной, т. е. древнегреческой и древнеримской цивилизации. Так как в большинстве своем эти народы жили в родовом строе, так как им было уже известно земледелие и так как они вели уже оседлый или кочевой, но не бродячий образ жизни, то слово «варвар» утвердилось как обозначение той стадии в развитии доклассового общества, которая соответствует родовому коммунизму.

Еще у австралийцев, которые не знали даже лука и стрел, мы обнаруживаем довольно сложную технику переработки растительных продуктов для их употребления в пищу. Разумеется, многие плоды, клубни и корни употребляются австралийцами прямо в сыром виде, однако некоторые, как раз наиболее важные для продовольствия клубни, как например ямс, по своему горькому вкусу и

ядовитым свойствам не съедобны без сложной переработки. Вот как приходится обрабатывать клубни ямса перед тем, как их съесть. Выкопанный клубень тщательно очищают от грязи и побочных корней, в течение четырех часов пекут на камне, затем его помещают в редкий мешок и опускают в корыто с водой, где протирают сквозь мешок до тех пор, пока в мешке не остается ничего, кроме кожуры и волокон. Протертую массу оставляют в корыте, подлив к ней воды, и хорошенько размешивают ее. Когда масса отстоится настолько, что вода прочистится, воду меняют до восьми раз, пока не пропадет горький вкус у ямса. Только после этого в чистом песке выкапывают ямку, сливают в нее полужидкую массу и, когда вода просочится сквозь песок, тесто считается готовым для потребления в пищу.

Не менее сложную процедуру проделывают австралийцы над многими другими клубнями, орехами, плодами и зернами. Их размачивают, промывают, просушивают, прожаривают, размалывают между камнями и полученную массу едят либо сырой, либо в виде лепешек, испеченных на камне. Для такой переработки растительных продуктов у австралийцев существует целый инвентарь: здесь и землекопалка, т. е. длинная, в рост человеческого, палка, заостренная с одного, либо с обоих концов, и корыта, сделанные из дерева и коры, и плетеные, редкие мешки для протирания, и камни для размалывания. Австралийцы, таким образом, в очень примитивном, т. е. простом и несложном виде проделывают для получения сырого или печеного теста, т. е. хлеба, те же работы, которые мы находим у земледельцев. Жатва, молотьба, размалывание, замешивание теста, печение — все эти операции уже знакомы австралийцу. Не знает он только пахоты и посева, которым человек научился уже после того, как он изобрел хлеб. Замечательно, что основные трудовые процессы, из которых состоит земледелие, появились в истории культуры в последовательности, обратной тому порядку, в каком они совершаются современным земледельцем. Первобытные люди сперва научились жать, молотить, просеивать, молоть, готовить тесто и печь, и лишь в последнюю очередь — обрабатывать землю, пахать, сеять.

Земледелие было изобретено не сразу. Кем оно было изобретено, догадаться нетрудно. У всех племен, знакомых

с переработкой растительных продуктов, все работы по собиранию и приготовлению их в пищу лежали на женщине. Если приходится только гадать относительно того, кто изобрел добывание огня — мужчина или женщина (а очень много соображений говорит в пользу женщины, хранительницы огня), то с полной несомненностью установлено, что женщина первая научилась обезгорчивать и обезвреживать растения путем промывания, добывать из семян муку, печь из муки лепешки, изготавливать глиняную посуду и употреблять ее для варки пищи, что женщина, словом, изобрела хлеб и суп. Женщине же принадлежит честь введения земледелия в его первоначальной форме, в форме мотыжного земледелия, когда перед посевом земля раскапывалась суковатыми палками, деревянными мотыгами. Так как переработка растительных продуктов земледелия давала возможность делать сначала случайные, а потом и постоянные запасы, то неудивительно, что в эпоху варварства женский сектор коллективного первобытного хозяйства имел большое значение, обусловившее высокое положение женщины в обществе. Лишь усложнение земледелия и развитие скотоводства выдвинули на первое место мужчину.

Скотоводство, возникшее из усложнившейся и усовершенствованной охоты, является в своих зачаточных формах еще более древним, чем земледелие. Первым животным, которое удалось приручить человеку, как мы уже говорили, является, повидимому, собака.

На много позже собаки человек приручил овцу, козу, свинью, быка. Позже всех, должно быть, была одомашнена лошадь, приручение которой стоило, вероятно, немалых трудов. Наряду с четвероногими животными были приручены птицы — голубь, петух, утка, гусь. Очень древним является и одомашнение пчел. Одомашнение животных было делом очень трудным. Развитое скотоводство, пастушество, требовало от человека очень много труда, выдержки и выносливости. Вот что, например, пишет знаменитый ученый Брэм о лапландцах, занимающихся разведением оленей: «И что за жизнь у них! Они как будто совсем не имеют личной воли, их как будто водят с места на место их стада. Олени идут, куда хотят, а хозяева только следуют за ними. Прибрежный лапландец ведет жизнь настоящей собаки. В течение целых месяцев он остается поч-

ти весь день на открытом воздухе, страдая летом от насекомых, а зимой от холода. Часто также приходится ему терпеть и голод, так как олени заводят его дальше, чем он рассчитывал. Он никогда не умывается и употребляет в пищу самые грубые продукты. Образ его жизни делает из него что-то среднее между человеком и животным». Развитое скотоводство было уже чисто мужским делом и укрепилось оно уже сравнительно поздно.

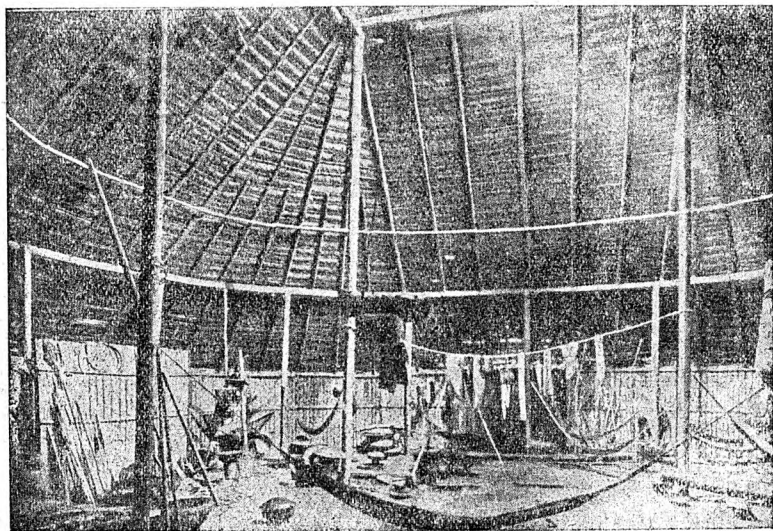

Рис. 22. Внутренность родовой хижины американского племени Макуна.

Усовершенствование орудий в эпоху варварства, земледелие и скотоводство, оттеснившие на задний план собирательство растений и охоту, привели к сильнейшему росту производительности труда, к появлению у людей постоянных запасов, к возникновению более или менее прочной оседлости, к усилению власти человека над природой. *На этой основе первобытное племя перерастает в родовое.*

Если первобытное племя, очень немногочисленное (в несколько сот человек), состояло из отдельных территориальных групп или орд численностью в несколько десятков человек и групповых семей, то родовое племя, числен-

ностью в несколько тысяч человек, состояло из родов, охватывавших порой сотни людей, и парных семей. И в орде, и в роде все члены их были между собой кровными или, как их называют в науке, естественными родственниками. Какое же различие между ордой и родом? Различие в том, что члены орды могли вступить в брак между собой, хотя и в зависимости от брачной секции, к которой они принадлежали, тогда как в роде все члены считались столь близкими родственниками между собой, что брак между ними был запрещен. Далее, если в первобытном племени существовал групповой брак, то в родовом племени появляется случайное единобрачие (муж и жена могли разойтись в любой момент) или парная семья. Эта парная семья не является еще хозяйственной ячейкой, как моногамная семья (моногамия — единобрачие) в классовом обществе. Коллективным хозяином выступает род, который занимает часть общей племенной территории. Все члены рода живут обычно в нескольких общих жилищах или даже в одном общем помещении, в так называемом «большом доме», где кроме общей «трапезной» или, как мы бы сейчас сказали, столовой, имеются клетушки для сна отдельных семей. Трудятся, едят и развлекаются все члены рода вместе. Словом, родовое племя состоит из отдельных родовых коммун, т. е. коммун, в которых все члены являются близкими родственниками, ведущими свое происхождение от общего предка.

На древнейшей ступени родового строя руководящую роль в родовых коммунах играла женщина, что объяснялось решающим значением женского сектора в коллективном домашнем хозяйстве первобытных людей. Вот почему первоначальной формой рода было хозяйственное объединение родственников по женской линии или матриархальный (материнский) род, в котором происхождение велось не по отцу, а по матери. В истории человечества была такая эпоха, когда все общества, достигшие родового строя, жили в состоянии матриархата, т. е. когда в родах руководящую роль играли женщины.

Некоторым европейским исследователям удалось застать живые следы матриархата у ряда племен Америки, Африки и Азии. Вот что пишет, например, этнограф Фридрихи об индейцах Сев. Америки. «Если в лодке индейцев, отправляющихся в военный поход, на охоту или рыб-

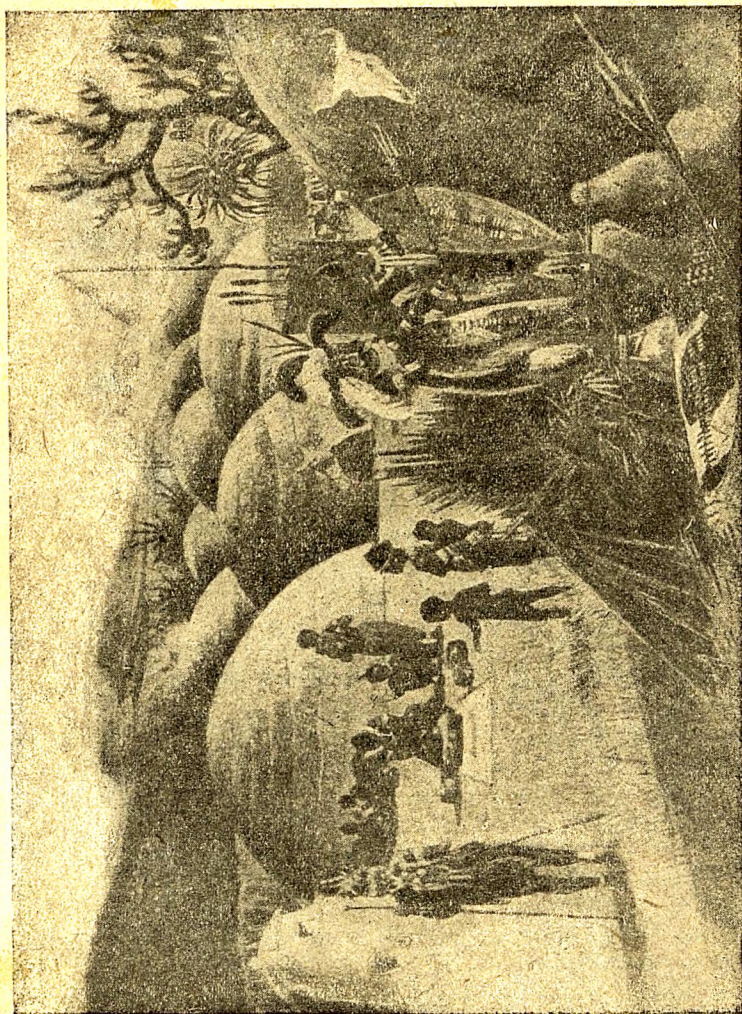

Рис. 23. Селенне зулусов в Африке, состоящее из больших хижин, в которых живут целые роды или части рода.

ную ловлю, находились женщины, то рулевое весло вверялось старухе. У тлинкитов это являлось строгим обычаем: во всех их военных походах рулевыми и командирами больших пирог являлись старые женщины. Их авторитет в этих случаях являлся неограниченным. Мирс был свидетелем того, как подобная амазонка ударами весла и ножа поддерживала дисциплину, причем никто из мужчин не смел протестовать против сурового обращения. Ванкувер тоже рассказывает о подобных случаях. Столько раз повторявшиеся рассказы о рабстве индейской женщины ни в малейшей мере не соответствуют действительности». У древних писателей существуют рассказы об амазонках, о таких обществах, в которых женщины играли будто бы господствующую роль и отличались необычайной воинственностью. Рассказы эти являются легендой. Фактом же, научно установленным, является то, что на стадии дикости и в матриархальный период на стадии варварства женщина занимала в обществе равное положение с мужчиной.

Лишь с дальнейшим усложнением производства, вызвавшего появление мужских родовых промыслов (наиболее важным из них явилось скотоводство), с учащением военных конфликтов между племенами, усиливших роль мужчины-воина, случилось преобладание мужчин и в производстве и во всей общественной жизни. Матриархальный период сменился тогда в истории доклассового общества патриархальным, руководящая роль от женщины-матери перешла к мужчине-патриарху, и женщина заняла подчиненное положение в отношении мужчины.

В доклассовом обществе отношения родства играли чрезвычайно важную роль. Вступление в брак, доля в пище и добыче, вообще положение в обществе члена племени или рода определялось его родством. Вот почему у дикарей и варваров с величайшей тщательностью выяснялись и обозначались кажущиеся нам теперь ничемными и запутанными родственные отношения по разным линиям. «Родственные отношения одного туземца с другим, — пишут, например, знаменитые исследователи Б. Спенсер и Ф. Гилл, об австралийском племени урабунна, — являются одним из тех особенно важных вопросов, с которыми каждый отдельный туземец тщательно знакомится с ранних пор. У урабунна имеются определенные обычаи, приобретаю

щие силу закона благодаря их длительному существованию. Лишь в соответствии с ними мужчины и женщины отдельных степеней родства могут иметь супружеские отношения, лишь в соответствии с ними один туземец может совершать для другого определенные действия, как, например, снабжение пищей, причем нарушение этих обычаев строго карается. Старшие мужчины каждой группы очень заботятся о сохранении в силе этих обычаев, многие из которых приносят им значительную выгоду, и когда, как это бывает при некоторых церемониях, различные группы собираются вместе, происходит в торжественной обстановке обсуждение дел подобного рода. Этим путем туземец усваивает и на всю жизнь сохраняет знание различных родственных отношений. Когда куда-нибудь приходит мужчина из отдаленной группы, старики немедленно обсуждают вопрос о месте, которое занимает пришелец в родословном древе племени и в зависимости от этого решают вопрос о дальнейшем его пребывании здесь». Родство у дикарей и варваров определяется совсем по иному, чем у нас. У нас, во-первых, родство является индивидуальным, т. е. в родстве состоят два индивида, например дед и внук, тетка и племянница. В доклассовом обществе родство являлось групповым или, как оно называется в науке, классификационным. Там все члены племени или рода были разделены на группы или классы родственников. Если плен племени, например, кого-нибудь называл отцом, то отцами же он называл всех братьев этого мужчины, как кровных, так и групповых, а жен их он называл матерями. В каждом племени или роде был целый ряд степеней такого группового родства, группы отцов, группы дедов, группы матерей и т. д., причем принадлежность к этим группам основывалась не только на непосредственном кровном родстве. По отношению к какой-нибудь женщине сыновьями являлись не только ее утробные сыновья, но и сыновья ее групповых или соплеменных сестер; по отношению к какому-нибудь мужчине старшей сестрой являлась не только его единокровная сестра, но и старшая дочь любой его соплеменной матери. В первобытном племени, которое было сравнительно немногочисленным, достаточно было десяти-пятнадцати степеней или классов родства, чтобы исчерпать все родственные отношения среди нескольких сот членов. В родовом племени, например у племени

проклезов, насчитывавшем уже 5—6 тысяч человек, таких степеней или классов родства насчитывалось уже больше двухсот.

Второе отличие нашего родства от родства в доклассовом обществе заключается в том, что если у нас родство считается по двум линиям, то в доклассовом обществе оно считалось по одной линии, будучи односторонним. До тех пор, пока существовал групповой брак, при котором с достоверностью можно установить только мать, родство считалось преимущественно по линии матери. Так продолжалось в матриархальном роде, где потомство двух супругов принадлежало к роду матери. Лишь в патриархальном роде родство стало считаться по отцу, и потомство всегда попадало в род отца.

Родовое племя варваров далеко ушло от первобытного племени дикарей и по развитию хозяйства и по своей численности, и по сложности общественных отношений. «Дикарь — это его орудия», говорит Ф. Энгельс. Мы знаем уже, каковы были орудия и хозяйство у дикаря. Это были землекопалка, дубина, лук и стрелы, грубые каменные орудия, служившие для собирательства и охоты. У варваров мы имеем уже полированные топоры, к которым впоследствии присоединяются металлические орудия, изготовлявшиеся сначала путем холодной, а затем путем горячейковки. У варваров появляется глиняная посуда, ткацкий станок, ручная мельница, мотыга и другие орудия, позволяющие развить земледелие и скотоводство, а также рационально использовать их продукты.

Немногочисленное первобытное племя делилось на крохотные орды, а многотысячное варварское племя состояло из многих родов, представлявших довольно сложные хозяйственные коллективы. Роды эти имели свои имена и гербы, свои обычаи, свои религиозные церемонии, свои кладбища и т. д. У народов, достигших средней и высшей ступеней варварства, роды были объединены в фратрии, (или братства из двух или нескольких родов), фратрии в племена, а племена в союз племен. Союз племен представлял собой наиболее крупное объединение, которого достигли люди на стадии варварства.

Родовое племя, как и первобытное племя, не знало ни частной собственности на средства производства, ни эксплуатации человека человеком. Все недвижимое и движи-

мое имущество принадлежало роду. Земля считалась собственностью племени; определенная часть ее закреплялась за тем или иным родом. Орудия, которыми член рода пользовался при жизни, после его смерти не выходили из рода, а передавались другим членам в соответствии с определенными, строго соблюдавшимися обычаями. Члены рода

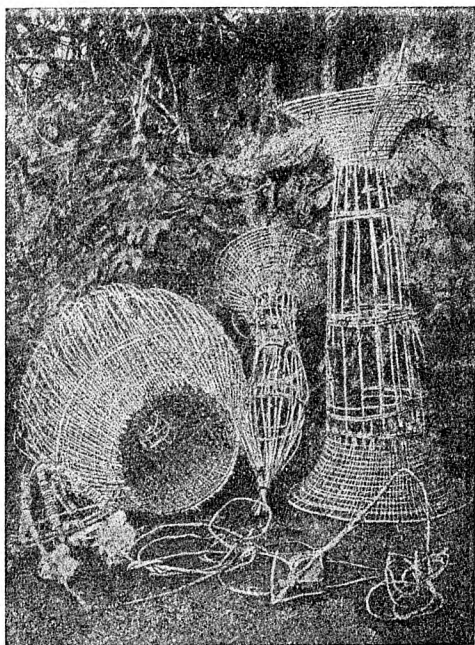

Рис. 24. Рыболовные орудия меланезийцев (варваров), обнаруживающие большую сложность по сравнению с рыболовными орудиями дикарей.

были связаны между собой круговой порукой взаимной защиты и кровной мести, которая впрочем существовала еще и у дикарей. Высшей властью в роде являлся совет, в который входили все взрослые члены рода. Родовой же совет имел право усыновить какого-либо постороннего, который таким путем приобретал права члена рода. Руководящую роль играли старики, как наиболее опытные и ав-

торитетные члены рода, как хранители родовых традиций. Вожди, начальники, главари выдвигались самим родом на основании проявленных ими нравственных качеств и воинских доблестей. Всякие конфликты между членами рода разрешались родом, а между родами — племенем.

Необходимо, однако, иметь в виду, что этот первобытный родовой коммунизм носил крайне ограниченный характер. Первобытно-коммунистический быт охватывал только незначительную сравнительно группу лиц, связанных узами родства. Для каждого рода все люди за его пределами, в особенности за пределами племени, являлись уже чужаками, в отношении которых не действовали обычаи внутриродового «равенства и братства». «Продовольствие, — сообщает например этнограф Шебеста о семангах на Малакке, — сообща потребляется родом. Каждая семья делится своей пищей уже в сваренном и готовом для еды виде со всеми другими семьями. Если у одной в какой-либо день случится особенное изобилие пищи, то она добровольно раздает ее всем семьям рода. Если в лагере имеются другие семьи, то при дележе им ничего не попадает». Все правила и обычаи первобытно-коммунистического быта распространяются только на своих, т. е. на членов собственного рода или племени. Всякий чужак, а таким является любой человек, с которым не связывает никакое родство, говорит на непонятном языке и который имеет иные обычаи и верования, — это, прежде всего, возможный враг, стоящий вне родового закона. В отношении него дозволено делать все, чего потребует личный интерес и обстоятельства. Родовые традиции прививают первобытному человеку крайнюю настороженность и подозрительность в отношении иноплеменников. Сношения с ними обставлены множеством запретов и ограничений.

И внутри самого рода нет полного равенства. Доля каждого члена рода в коллективной трапезе, в общих запасах продовольствия, роль члена рода в родовом совете или собрании, отношение к отдельной личности со стороны сородичей определяются не только индивидуальными качествами, но и местом отдельного человека в родословном дереве рода. В роде нет эксплуатации и нужды, ибо там нет частной собственности, но и равенство там оказывается на практике ограниченным и ущербленным.

Родовой строй на ступени матриархата был расцветом

первобытного коммунизма. Вот как изображает этот родовой строй Энгельс: «И какая удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте этот родовой строй! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, ... без тюрем... все идет своим заведенным ходом. Всякие раздоры и столкновения улаживались коллективом тех, кого они касаются, родом или племенем . . . Только как крайнее, редко применяемое средство, прозрит кровная месть, лишь цивилизованной формой которой является наша смертная казнь. Домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земля является собственностью всего племени . . . Заинтересованные лица сами все решают, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся быть не может: коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к больным, престарелым и изувеченным на войне. Все равны и свободны, не исключая женщин. Для рабов нет еще места, нет почвы обыкновенно и для порабощения чужих племен. Так выглядели люди и человеческое общество до того, как произошло разделение на классы»¹.

Читая эту характеристику первобытного рода, следует, однако, иметь в виду, что перечисленные светлые стороны родового строя нераздельно связаны с его отрицательными сторонами, которые не менее ярко подчеркиваются Энгельсом. Страшная застойность родового быта, дикая жестокость, часто доходившая до людоедства, в отношении чужих, враждебных родов и племен, безраздельная власть общества над личностью, которая целиком подчинена унаследованным от старины и порой нелепым обычаям, удручающая однообразие всей родовой жизни — все это, наряду со слабой техникой, всеобщей бедностью, крайней разобщенностью, замкнутостью отдельных племен и родов, заставляет нас не жалеть о том, что человечество в подавляющем своем большинстве давно поднялось над этой ступенью развития. Все это очень далеко от того, что можно было бы назвать «золотым веком».

Варварство, как и дикость, в чистом виде сохранилось

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932 г., стр. 96—97.

на земле в сравнительно редких местах. Нынешние народы Европы, одни раньше, другие позже, давно вышли из

Рис. 25. Индеец, снимающий скальпы с побежденного врага.

состояния варварства. В Америке варварство было в полном расцвете в то время, когда там впервые появились европейцы. Но за четыре с половиной сотни лет со времени

открытия Америки туземцы Нового Света были либо истреблены белыми колонизаторами, либо вымерли в условиях капиталистической эксплуатации, либо смешались с пришлым населением, либо оказались оттесненными (главным образом, в Южной Америке) в дебри непроходимых лесов и полупустынь. Лишь редко можно встретить у современных индейцев их древнюю первобытно-коммунистическую организацию. Гораздо лучше сохранилась она со всеми своими положительными и отрицательными сторонами у туземцев Новой Гвинеи, тщательно изучавшихся целым рядом исследователей.

Новая Гвинея — самый большой после Гренландии остров на земном шаре. Он отделен от Австралии Торресовым проливом. Населяют его папуасы, находящиеся на значительно более высоком уровне культурного развития, чем австралийцы. До прихода европейцев новогвинейские папуасы жили в каменном веке, но техника их камнеобделывания — это уже техника неолита, т. е. эпохи шлифованных каменных орудий. Между прочим, за последние два года экспедициям, работавшим под руководством Тэйлора и Мак-Кэрти и по заданиям австралийского правительства, удалось открыть в северо-восточной части Новой Гвинеи неизвестные до сих пор племена — около 230 тысяч темнокожих людей, которые никогда раньше не видели белых. Особенный интерес среди них представляет племя бена-бена, занимающееся, подобно остальным племенам Новой Гвинеи, мотыжным земледелием.

Папуасы живут родами в деревнях, которые нередко построены на сваях. Члены каждого рода обычно живут в так называемых «больших домах», в которых кроме общих помещений имеются клетушки для отдельных семей. Дома эти достигают порой 150 м длины. Земля принадлежит роду и обрабатывается всеми его членами общества. Кроме земледелия папуасы, особенно на побережьях, занимаются рыбной ловлей. Папуасы очень воинственны, у них сохранились еще остатки людоедства, за ними в этнографии утвердилась слава рьяных охотников за черепами. Влияние европейской цивилизации очень сильно сказалось за последнее время и на новогвинейских папуасах. У одного из новейших исследователей, Франка Гэрли, мы находим по этому поводу следующую любопытную сен-тенцию: «Охота за черепами — дикое варварство, но в сов-

ременной культуре оно имеет аналогию — войну. Напа новейшая капиталистическая цивилизация в конечном счете — лишь высшая ступень варварства. Вопрос еще, не стоит ли простодушный дикарь, со своими бесхитроственными представлениями и убеждениями, по своему общественному укладу на более высокой ступени нравственности и не живет ли он более чистой и подлинной жизнью, нежели мы Его деревня не знает городской нищеты, он не охвачен завистливой жадностью, не прикрывается ми-

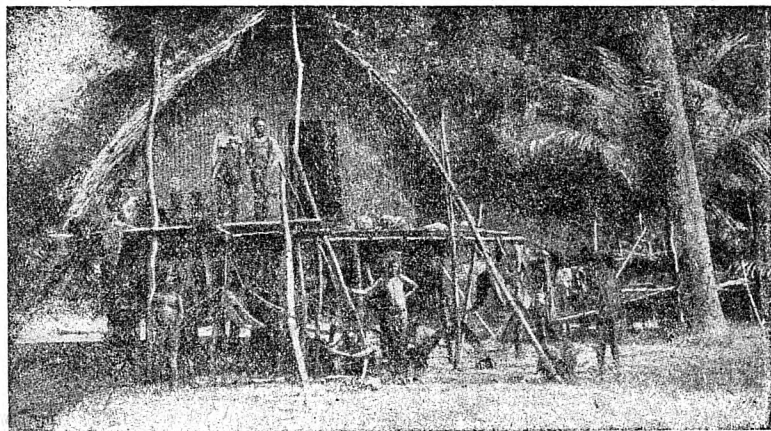

Рис. 26. Родовая хижина папуасов на сваях.

шурой лицемерной, ханжеской морали. Если он порой вступает в борьбу и добывает в качестве трофеев пару голов, он делает это в честном бою. Буржуазия же, именуя себя «творцом культуры», употребляет для уничтожения миллионов людей ресурсы целых народов Но капитализм проникает и к этим детям природы, изменяет их нравы и обычаи, отрывает от мирной беспечной жизни в деревнях и бросает их на работу в рудники и плантации».

Гэрли несколько идеализирует быт новогвинейских папуасов, но он правильно уловил, подобно всем другим добросовестным наблюдателям, отсутствие эксплуатации в родовом обществе. Со времен греков и римлян «варварство» стало синонимом грубости, жестокости, культурной отсталости и реакционности. В этом смысле слова «варварство»

употребляется и у нас. В науке, изучающей историю доклассового общества, это слово приобрело несколько иной смысл. Разумеется, в родовом строе, в котором жили люди на стадии варварства, было много грубости, жестокости и отсталости, но было в родовом строе и нечто такое, что в полном, развернутом виде, не в рамках крохотных родственных групп, а в масштабе всего человечества начинает осуществляться только в нашу великую эпоху, через семь тысячелетий после появления первых классовых обществ на земле: это — общественные отношения людей без частной собственности, без эксплуатации, без классового гнета, без разделения членов общества на паразитствующее меньшинство и томящееся в безысходной нужде и непосильном труде большинство.

10. ВОЙНА В ДОКЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Излюбленным тезисом идеологов фашизма является утверждение, что война извечна в человеческом обществе. Известный реакционный немецкий философ Шпенглер обнаружил, что высшее благородство человека заключается в том, что он «хищное животное». Муссолини в официальной речи заявляет: «Война является функцией мужчины, как материнство является функцией женщины... Я не только не верю в вечный мир, но я, сверх того, считаю его вредным для основных доблестей человека, которые только в процессе жестокого напряжения войны полностью развертываются». У буржуазных ученых далеко не редкостью является положение об изначальности и вечности не только частной собственности, моногамной семьи и религии, но и войны. Некоторыми социологами война изображается как нормальное состояние первобытного человечества. Даже в художественной литературе мы находим отражение этого представления о какой-то необычайной воинственности дикарей и варваров. В известном произведении Джека Лондона «До Адама» в ярких красках описывается беспощадная завоевательная война, которую доисторическое племя «людей огня» вело с другими, более отсталыми племенами. В уста своего героя Джек Лондон влагает следующие слова: «Целый день отряды людей огня рыскали по всему лесу и убивали нас там, где находили. Они, вероятно, действовали по заранее обдуманному

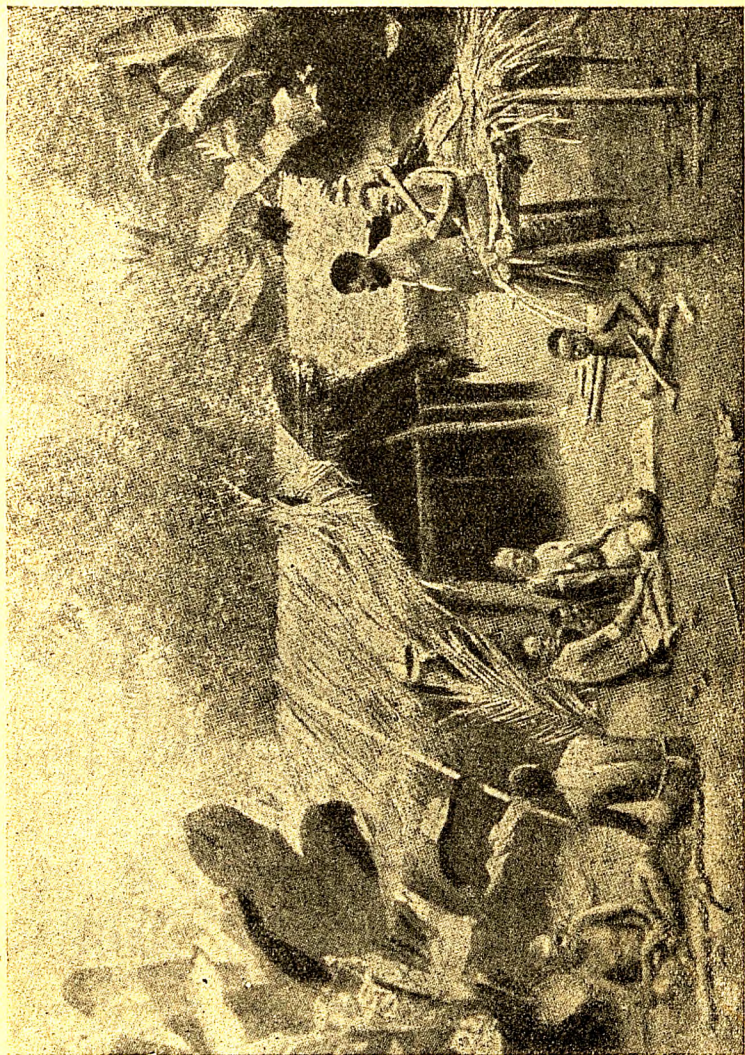

Рис. 27. Папуасская деревня в Меланезии.

плану. Границы их собственных владений были для них узки, и они решили завоевать наши. Позорная победа! Мы не могли им противиться. Это была бойня, настоящая бойня, ибо они никого не щадили, убивая старого и малого».

Однако в свете проверенных фактов археологии и этнографии тезис об извечности войны оказывается такой же фальсификацией, как и тезис об извечности частной собственности. Эти факты показывают, что первобытное человечество до средней ступени варварства не знает войны в том виде, в каком она выступает перед нами в истории классового общества, т. е. в виде организованных массовых кровавых столкновений, имеющих целью овладение чужой территорией, порабощение ее населения и захват принадлежащих этому населению материальных ценностей. Для того чтобы первобытные люди вели войны, необходимо было, во-первых, чтобы они были способны воевать, чтобы они, во-вторых, видели какой-нибудь смысл в войне.

Как обстоит дело со способностью первобытного человека к войне?

Ответ на этот вопрос отчасти дает полемика, которая одно время велась между буржуазными исследователями первобытности о том, что древнее у первобытных людей: удар или метание?

Известный немецкий исследователь Людвиг Нуаре, тщательно рассмотревший этот вопрос со всех сторон, пришел к выводу, что метание или бросание моложе удара хотя бы уже потому, что оно предполагает большую сообразительность, наличие значительной ловкости и меткости. Другой исследователь, Карл Вейле, оспаривает этот вывод на основании психологических соображений и этнографических фактов. «Что бы я стал делать — спрашивает Вейле, — если бы я неожиданно подвергся нападению злой собаки? Я, не рассуждая, схватил бы любой предмет, попавшийся мне под руку — палку, камень или что-нибудь еще. Что бы я стал делать дальше, т. е. ударил ли бы я этим предметом или бросил его в собаку, — зависело бы от создавшегося положения; но это уже вопрос второстепенный. Первое же действие вытекает всегда из аффекта. Но и этнографически вывод Нуаре опровергается на каждом шагу. Первобытный человек вовсе не является героем,

который смотрит врагу прямо в глаза и старается добраться до него руками. Там, где у первобытных людей выработалась такая выдержка, это очень быстро сказывалось в их взаимоотношениях с окружающим миром. В Африке одержали верх в военном и политическом отношении как раз те племена, которые от борьбы на расстоянии при помощи дротика, лука и стрел перешли к борьбе рукопашную при помощи копья и меча. Но это было уже сравнительно поздним явлением». Эти соображения заставляют Вейле признать метание более древним, чем удар, а значит, и метательные приемы более древними, чем ударные. Подобного рода соображения развивает также Август Когаузен, бывший одновременно и крупным военным специалистом и историком культуры. «Первым побуждением при нападении противника с превосходящими силами является побуждение бегства, затем возникает стремление где-нибудь укрыться и лишь в последнюю очередь рождается желание защищаться. Защищается, однако, первобытный человек, если только это для него возможно, из-за прикрытия, за которое он прячется, т. е. на расстоянии, при помощи метательного оружия».

Как ни убедительны, казалось бы, соображения Вейле и Когаузена, правым, возможно, является Нуаре. Дело в том, что метание или бросание предмета в живую цель предполагает такие данные, которых не могло быть у самых древних людей. Ведь у человека имеет место целеустремленное бросание, рассчитанное на то, чтобы попасть в цель, чтобы ранить или убить нападающего противника. Но такое метание или бросание предполагает значительную ловкость, известную сообразительность, т. е. условия, которые появились у человека не сразу. Правда, и у современных антропоидов исследователи обнаруживают умение защищаться от нападения бросанием или метанием попадающихся под руку предметов. Уоллес, например, рассказывает о своей охоте на орангутанов следующее: «Позже я подстрелил двух взрослых самок и парочку молодых. Одна из самок лакомилась вместе с целой компанией молодых обезьян незрелыми плодами дурианового дерева. Как только она нас заметила, она, очевидно, расшвирипев, принялась отламывать ветки и большие колючие плоды, чтобы швырять ими в нас. Она осыпала нас таким дождем «снарядов», что мы действительно оказа-

лись не в состоянии подойти к дереву. Раньше высказывались сомнения относительно того, действительно ли эти животные имеют обыкновение в припадке ярости сбрасывать вниз отломанные ветки, однако я сам был несколько раз свидетелем этого в разных случаях».

Сообщение подобного рода имеется также и у Брэма, причем относится оно даже не к антропоидам, а к павианам. «Мы сделали больше двадцати выстрелов, многие павианы были убиты, многие ранены, но большая часть стада, убегая от нас, стала забираться все выше и выше на скалы. Вначале мы стреляли снизу из ущелья, но скоро нам пришлось искать себе убежище между камнями. Напуганные и приведенные в ярость нашими выстрелами животные принялись скатывать на нас все камни, которые только поддавались их нажиму. Один из нас даже видел, как сильный самец, забравшись на дерево, швырнул в нас огромным камнем. В продолжение всего нашего сражения с павианами ущелье оказалось закрытым для проходивших караванов, так как обезьяны сбрасывали вниз целый дождь из крупных камней».

Итак, обезьяны тоже прибегают к защите от нападения при помощи бросания «снарядов». Но, во-первых, обезьяны не умеют целиться при метании камней или палок; во-вторых, они швыряют сверху вниз, и сила удара у них обусловлена исключительно тяжестью предмета и высотой убежища, из которого они отбиваются от врага; в-третьих, их метание носит инстинктивный характер, оно является у них рефлексом ярости или страха, почему оно и носит характер беспорядочного «ураганного огня» палок, или камней, или плодов.

Сознательное, горизонтальное, целеустремленное, метящееся, стремительное бросание метательного снаряда существует только у человека и появляется оно, вероятно, сравнительно поздно. Именно такого рода бросание или метание сделало возможной настоящую охоту на крупных позвоночных животных, следовательно оно явилось огромным переворотом в приемах борьбы человека за существование. Но как нам известно, охота возникла уже в такое время, когда процесс трансформации человеческого стада зашел сравнительно далеко; следовательно, бросание метательных орудий в полном смысле слова должно было появиться позже непосредственного воздействия на

двуногого или четвероногого врага при помощи удара; ведь ударные орудия в простейшем виде должны были существовать уже на самой ранней ступени развития человеческого общества. Как бы там ни было, решение вопроса о том, что древнее — удар или метание — является отнюдь не таким простым делом, каким оно кажется противникам гипотезы Нуаре.

Приведенная полемика интересна тем, что она показывает, как поздно должна была появиться у человека способность и возможность вести борьбу с четвероногим зверем и с двуногим врагом, т. е. охотиться и воевать.

Что касается стимула к войне, то это явление еще более позднее, чем способность и возможность охотиться на крупного зверя и воевать. Как известно, дикари живут сравнительно мелкими и разбросанными по большим участкам группами. Земельной тесноты они не испытывают. Постоянных запасов при низкой производительности труда, при неумении консервировать пищу, у них не имеется, следовательно отсутствует очень важная причина для нападения на соседей. Снаряжение дикаря очень жалкое; австралийцы, например, даже не знают ни лука, ни лассо, ни пращи. Из-за чего бы дикарю пришлось вести войну? В захвате чужой земли смысла не было: своей было достаточно. В захвате пленных тоже не было смысла: производительность труда была столь низка, что рабов заводить нельзя было (раб и себя - то еле прокормил бы): пленников можно было только съесть. Разумеется, кровавые столкновения случаются и у дикарей, как между отдельными племенами, так и внутри племени. Но эти столкновения имеют обычно характер убийств, поединков или даже драки, но не войны, тем более захватнической. Еще в первобытном племени существовала кровная месть, которая полный расцвет получила в родовом племени. Обычай кровной мести имел свою очень строгую и жестокую арифметику. Этот обычай требовал, чтобы члены потерпевшей родственной группы убили в качестве возмездия ровно столько же членов из группы убийцы, сколько потеряла потерпевшая группа. Кровный счет двух групп или родов мог тянуться десятилетиями, но никогда в доклассовом обществе обычай кровной мести не приводил к массовому столкновению родов или племен. К убийству и даже к эндоканнибализму

(т. е. к людоедству внутри племени) мог привести дикаря голод, но и на этой почве война возникнуть не могла.

Тон в общественной жизни дикаря задается не воином (оторванных от производительного труда воинов дикое племя вовсе не знает), а охотником и собирательницей: недаром у дикаря орудие войны (оружие) еще не дифференцировалось от орудия труда. Когда между племенами австралийцев возникают столкновения, связанные с обы-

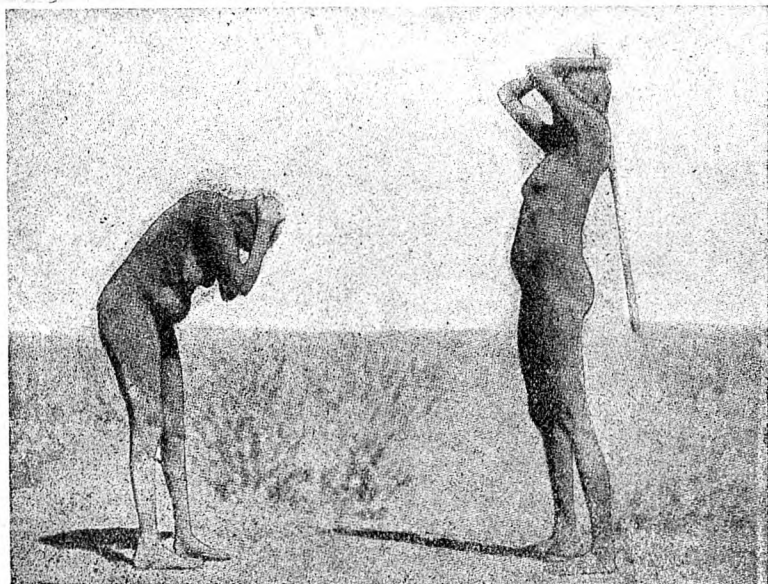

Рис. 28. Поединок австралийских женщин на палках.

чаем кровавой мести, отряды мстителей вооружаются теми же копьями, бумерангами и т. д., которыми они пользуются на охоте. Когда две женщины - австралийки поссорятся между собой, они устраивают между собой поединок на тех же палках, которые служат им землекопалками при собирательстве. Поединки такого рода имеют свои правила, за соблюдением которых следят ближайшие родственники дуэлянок. Свой регламент имеют и мужские поединки у австралийцев независимо от того, носят ли они индивидуальный или массовый характер.

Путешественник Лумхольц дает интересное описание «борбоби», собрания, на которое сходятся из разных округ австралийцы, чтобы поединками разрешить те конфликты из-за похищения женщин, из-за нарушения чужой территории, которые не удалось уладить мирным путем.

«Так как мне (Лумхольцу) захотелось присутствовать на этом собрании, я присоединился к одной группе, и после обеда мы отправились в путь. Приближаясь к месту боя, мы стали встречать много небольших родов, которые целый день валялись в прохладной тени кустарников, чтобы собраться с силами к предстоящему бою. Все, даже женщины и дети, присоединились к нам, все были в своих лучших нарядах, потому что эти дикари, отправляясь на танцы или на бой, всегда наряжаются по-праздничному.

«Все мужчины были вооружены, у них было множество копий, целые связки «нолла-нолла» (метательные палицы) и бумерангов, а кроме того большие деревянные щиты и деревянные же мечи.

«На опушке леса наша толпа и прочие дикари, присоединившиеся к нам, остановились, чтобы немного отдохнуть. Один из новоприбывших бегал кругом, как бешеный; для негра он был необыкновенно большого роста, и его длинные, густые волосы торчали на голове, как щетина. Размахивая своими густыми волосами, как сумасшедший, и откинув назад голову и верхнюю часть туловища, он прыгал и скакал, вертелся волчком и делал дикие прыжки, держа при этом прямо перед собой в одной из рук большой деревянный меч, а в другой щит.

«Когда он набегался достаточно, чтобы охладить свой дикий воинский пыл, и остановился, он весь обливался потом, и красная краска ручьями стекала у него с лица. Но потом он возобновил свои дикие прыжки, болтовня кругом становилась все оживленнее, все приготовили свое оружие.

«Вдруг какой-то старик отчаянно завыл и стал размахивать копьём над головой. Это подействовало на всех точно электрический ток. Все моментально собрались в одну большую толпу, стали выть во все горло, подняли левой рукой щиты вверх и стали размахивать по воздуху мечами, копьями, бумерангами или палицами. Затем с ди-

Ким воинственным криком все бросились через лес и, выбирая путь зигзагами, двинулись по направлению к врагу, который находился в отдалении, по ту сторону равнины. При каждом новом повороте они на мгновение останавливались и замолкали, но потом с воем бросались дальше, пока наконец не очутились посреди равнины, напротив врага; тут они остановились. Женщины и дети также поспешили к месту боя.

«Чужие племена на той стороне стояли группами перед своими шалашами, чрезвычайно живописно расположенными под холмами, покрытыми зеленым кустарником. Как только наши дикари остановились, трое из врагов вызывающе выступили вперед, со щитом в левой и поднятым мечом в правой руке. Их головы были густо усажены элегантными белыми и желтыми хохолками белых какаду; убор каждого состоял приблизительно из 40 штук таких хохолков, прикрепленных пчелиным воском и придававших голове вид больших астр. Эти три человека приблизились к нашим, подвигаясь вперед длинными эластичными прыжками. Время от времени они как кошки подскакивали наверх и падали вниз, прикрываясь щитами, которые так хорошо скрывали их, что мы едва могли их различить в высокой траве.

«Этот маневр повторялся до тех пор, пока они не приблизились к нашим сажен на 10; тогда они остановились, держа перед собой большой щит, упершись концом меча в землю и готовые к бою. Издали медленно приближалась большая толпа чужих племен.

«Теперь должны были начаться поединки. Три человека выступили из нашей толпы, чтобы принять вызов; остальные держали себя пока спокойно. Вызывающий стоит обыкновенно, — как мы уже сказали, — держа в левой руке щит, а в правой — поднятый меч. Но меч так тяжел, что он употребляется приблизительно так же, как кузнечный молот, чтобы ударить изо всей силы в щит врага, и поэтому боец в начале боя должен опустить меч к земле, после чего он делает взмах назад и обрушивает его на голову врага. Когда один нанесет удар, то очередь за другим, и так они чередуют удар за ударом, пока один из них не утомится и признает себя побежденным в борьбе.

«Еще в то время, как мерялись силами первые три

нары, несколько других тоже начали сражаться. В общем бой шел неправильно; но по большей части он начинался метательным оружием, после чего бойцы приближались друг к другу и кончали бой мечом. Иногда дело кончалось и на расстоянии, и бумеранги, «нолла-нолла» и копья метались в щиты. Дикари очень ловко отражают удары, и поэтому бумеранги и метательные палицы редко наносят им раны. Зато копье легко пробивает щит и нередко проникает так глубоко, что ранит его владельца, который

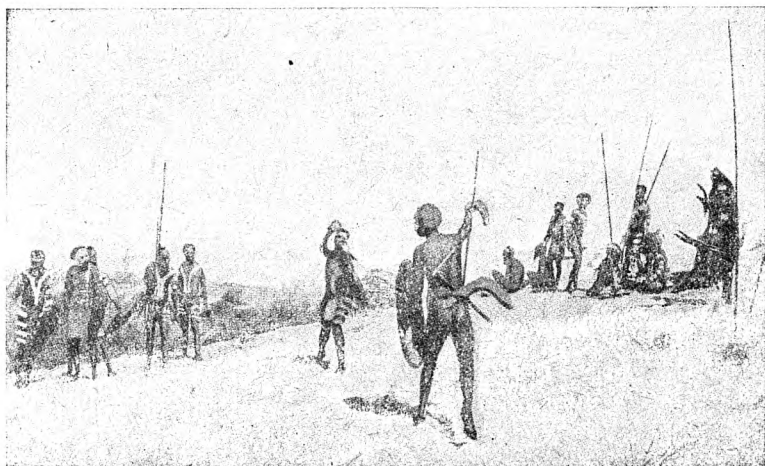

Рис. 29. Поединок на бумерангах у австралийцев.

считается после этого уже неспособным к бою и должен признать себя побежденным. На месте боя всегда было несколько человек, иногда 7—8 пар зараз, но бойцы постоянно сменялись.

«Женщины собирают оружие, и если кому-нибудь нужно участвовать в нескольких поединках, то его жена во все время боя снабжает его новым оружием. Другие жены с напряженным вниманием следят за ходом поединка; ведь и для них тут многое ставится на карту: многим из них в тот же вечер придется переменить мужа. У австралийцев в обычае похищать друг у друга жен и происходящие отсюда ссоры улаживаются на борбоби таким образом, что женщина достается тому, кто победит в пое-

динке. В бое принимают участие старухи. Вооружившись теми же палками, которые они употребляют для выкапывания корней, они держатся позади бойцов. Крепко воткнув палку в землю, они обхватывают ее обеими руками и с диким фанатизмом прыгают вверх и вниз. С визгом и криком окружают иногда 4—5 старух одного мужчину и поднимают безумный крик. Мужчины от этого все более и более разгорячаются; они обливаются потом и напрягают все свои силы.

«Если кто-нибудь из них окажется побежденным, то старухи окружают его и прикрывают его своими палками, чтобы защитить от вражеского меча, и при этом кричат:

« — Не убивай его, не убивай его».

«Я близко подошел к месту боя и с напряженным интересом следил за интересными сценами, которые продолжались всего $\frac{3}{4}$ часа, но были для меня занимательнее любого сценического представления. Бумеранги и дротики жужжали вокруг меня, но это не мешало мне с величайшим интересом следить за взрывом страстей у этих диких детей природы. Какие отчаянные усилия мужчин, какой пыл молодых женщин и потешное бешенство, охватившее старух! Их резкие голоса смешивались с глухими ударами мечей, звуком метательных палиц и жужжанием бумерангов в воздухе.

«Здесь улаживаются недоразумения всякого рода, не только между племенами, но и между отдельными личностями. Не одна физическая сила решает спор в этих поединках, но и родственники играют при этом значительную роль, и для бойца является большой нравственной поддержкой, если он знает, что на его стороне много сильных мужчин. Он знает, что его противник не доведет боя до крайности, потому что боится его родных; но может положиться также и на то, что они вступятся, если ему не повезет, и положат конец бою раньше, чем он будет ранен. Родственные и дружественные связи играют большую роль при улаживании споров у австралийских негров, хотя они и не так важны, как физическая сила.

«После такого шумного боя ожидаешь увидеть павших, плавающих в крови воинов, но, благодаря вмешательству родственников и друзей, это случается чрезвычайно редко. Только один из участников получил бумерангом легкую рану в плечо и потому сделался предметом всеоб-

щего сожаления. При следующем борбоби один боец был ранен копьем и так как оно было снабжено крючком, то его нельзя было вытянуть; его племя три дня носило его с собой, прежде чем он умер.

«Бой кончился тотчас же после захода солнца, и у всех участников его не улеглось еще возбуждение от событий дня, как каждое племя направилось к своей стоянке. Ночью мало кто спал, но зато было достаточно болтовни, и произошла не одна семейная революция, в которой мужья потеряли своих жен, а жены получили новых су-

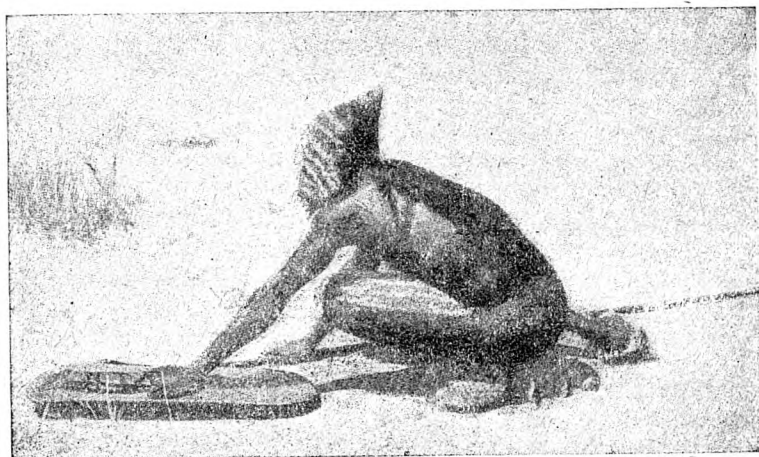

Рис. 30. Замаскированный австралиец подбегает к врагу для совершения акта кровавой мести.

ругов. Рано утром следующего дня поединки опять возобновились, а затем все тронулись в путь, каждый отправился в свою страну. Во время моего пребывания на Герберт-Ривере, в продолжение 3—4 недель, состоялись четыре борбоби; это было как раз в самое жаркое время. Зимой таких поединков не бывает».

Поединки подобного рода, даже когда они носят массовый характер, очень далеки от войны и по целям и по своему характеру. Все путешественники, хорошо изучившие сохранившиеся дикарские племена (кубу на Суматре, австралийцев, африканских пигмеев и т. д.), единодушно отмечают чрезвычайно слабую воинственность этих пле-

мен, их отвращение к массовым кровавым конфликтам, что не мешает им проявлять иногда крайнюю жестокость в отношении чужаков и в индивидуальных столкновениях.

Иначе обстоит дело на средней и высшей ступенях варварства. Здесь труд становится уже настолько производительным, что дает значительный прибавочный продукт. Здесь в скотоводческих и земледельческих селениях скопляются уже значительные запасы всякого добра. Здесь и население становится гуще и плотнее, да и самый вопрос о территории (в отношении плодородия почвы, обилия речных и иных угодий и т. д.) приобретает иное значение, чем на предыдущих ступенях доклассового общества. Здесь, словом, возникает причинный стимул для войн. Североамериканские ирокезы, новогвинейские папуасы, полинезийцы, новозеландские маори и другие племена, достигшие средней и высшей ступени варварства, вели между собой кровопролитные войны, приводившие порой к взаимоистреблению целых племен. Эти организованные массовые столкновения, начинавшиеся по любому поводу, кончались разграблением или сжиганием захваченных территорий, порабощением покоренного населения. На почве этих войн и возникали такие жестокие обычаи, как скальпирование, охота за черепами, истязание пленных и прочие проявления кровжадности и свирепости, с которыми связано у нас представление о варварстве.

11. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Одной из самых мрачных сторон всего доклассового общества, не исключая родовой ступени, является крайняя темнота и невежественность дикаря. Говоря о бессилии дикаря перед природой, вовсе не следует представлять себе дело так, будто дикарь физически жалкое и немогущее существо. В отношении мускульной силы, выносливости, обостренности внешних чувств, наблюдательности, памяти, первобытный человек на высшей ступени дикости и на стадии варварства далеко превосходил цивилизованного человека. Можно было бы собрать целый том совершенно достоверных описаний, показывающих, какие чудеса в этом отношении проявляет дикарь и

варвар. *Некоторые индейцы, например, бегом догоняют лося или лошадь, пущенную галопом. Готтентот на расстоянии тысячи метров замечает движение головы газели в траве, одинаковой с ней по цвету. Индейский охотник кончиком языка чует наличие источников в окрестности. Папуас с легкостью обезьяны лазит по лианам на такой высоте, где любой европеец свернул бы себе голову. А вот что видный французский ученый Леви Брюль говорит о памяти дикарей на основании огромного материала, собранного первоклассными исследователями: «Особенно замечательной формой памяти, столь развитой у первобытных людей, является способность первобытного человека запомнить все мельчайшие детали раз виденного ландшафта, что позволяет ему находить обратный путь с озадачивающей европейцев уверенностью. У североамериканских индейцев памятьливость на места граничит прямо с чудесным». Однако в умственном отношении дикарь производит на всех исследователей удручающее впечатление. «Умственные способности жителей Огненной земли, — говорит Дарвин, — в некотором отношении могут быть сравнены с инстинктом животных, потому что они очень медленно совершенствуются опытом; лодка, например, высшее проявление их таланта, в продолжение 250 лет оставалось без всяких улучшений». Другой исследователь. Спрот, жалуется, что «ум африканских туземцев очень вял в отношении отвлеченного мышления; даже короткий разговор утомляет дикаря, если он требует от него усилия мысли». Разум дикаря отличается крайней пассивностью, неповоротливостью, он подчинен целиком эмоциям, настроениям первобытного человека, он весь во власти унаследованных от прошлого традиционных представлений. *В отношении духовного развития, в отношении понимания и исследования окружающего мира дикость и варварство являются в полном смысле детством человечества.*

Конечно, и первобытный человек обладал рядом практических знаний, без которых немислимо было бы самое его существование. Уже самые древние люди не могли обходиться без зачаточных сведений в области зоологии, ботаники, географии, техники, медицины и т. д. Даже у самых отсталых дикарей мы находим некоторые навыки к счету, некоторое умение ориентироваться по звездам на небосклоне; однако все это находится еще в зародышевом

состоянии. Некоторые австралийские племена и до сих пор имеют только три названия для чисел: один, два, три; а дальше до десяти они употребляют только составные названия: «два-два» — для четырех, «два-три» — для пяти и т. д. А выше десяти они уже не считают, а просто ерошат волосы, обозначая этим, что предметов очень много. Не многим лучше обстоит дело и с географией. Если они хорошо знают и твердо помнят названия (ими же данные) для различных пунктов своей кормовой территории (т. е. участка, на котором они добывают средства к жизни), то остальной мир за этими узкими пределами их очень мало интересует, и представления их о нем крайне смутны и подчас совершенно нелепы.

Религия не всегда существовала в человеческом обществе. Наука установила, что первые люди на земле не имели религии. Лишь постепенно, по мере усложнения общественной жизни людей, по мере роста разделения труда, а значит и расслоения общества на группы, в сознании первобытного человека, бессильного в борьбе с природой, исполненного страха перед ней, стало складываться представление об особом сверхъестественном мире, которому будто бы подчинена природа, люди и он сам в том числе. Этот сверхъестественный мир, бывший фантастической (т. е. рожденной воображением) копией действительного мира, состоял из духов и душ, отношения которых друг к другу и к людям в нелепой форме копировали отношения первобытных людей друг к другу и к природе. Были духи добрые и злые, дружественные и враждебные, более сильные и более слабые, духи мужского и женского пола, духи рождались, ели, охотились и даже умирали. Дух по-латыни — анимус, а душа — анима. Вот почему всякая вера в духов в науке называется анимизмом. Религия первобытных людей была анимистической. Впрочем, нет в мире ни одной религии, ни старой, ни новой, в которой не было бы анимизма. И христианство, и мусульманство, и другие современные религии проникнуты не менее сильной верой в духов, чем религия дикарей. Боги — это те же духи, только более сильные и мощные, копирующие царей, богачей и других сильных мира сего в классовом обществе.

Фантазия первобытного человека видела всюду вмешательство сверхъестественных сил, имеющее колдовской ха-

Рис. 31. Новогвинейские папуасы с реки Флей, наряженные для религиозных плясок, длящихся иногда целые недели,

рактер, от которого отбиться можно только колдовскими, магическими действиями. Вся жизнь дикаря переплетена магическими церемониями и заклинаниями. На охоту ли идти, землю ли копать, шалаш ли новый построить, человек ли заболел, ребенок ли родился — ни один шаг в жизни дикаря не обходится без применения магии, т. е. колдовства. Всякое новое событие, всякий новый человек заставляет дикаря насторожиться, ждать колдовского вмешательства сверхъестественных сил. Умозаклучения дикаря в этой области иногда прямо ошарашивают европейского наблюдателя. Однажды некий австралиец, попав на глубокое место в озере Эйр, начал тонуть. Находившийся поблизости европеец вытаскил его из воды. Туземец попросил у спасителя подарка, а когда тот отказал стал осыпать его бранью. Оказывается, туземец принял европейца за духа, от которого он хотел добиться чего-нибудь для себя приятного. Когда среди австралийцев в 1896 г. начался мор, они причину его увидели в портрете королевы Виктории, который незадолго перед этим был повешен миссионером в своем жилище.

Люди создавали всегда богов по образу и подобию реального мира, а отношения между богами и духами всегда копировали отношения в человеческом обществе. В австралийском или отнеземельском племени члены каждой орды были связаны между собой определенными родственными отношениями. Каждое племя делилось на целый ряд родственных групп. Так как по представлению первобытных анимистов душами обладают все предметы не только живой, но и мертвой природы, и так как дикарь связывал себя очень тесно с окружающей природой, его религиозная фантазия стала усматривать мнимую родственную связь между отдельными родственными группами людей и определенными видами животных и предметов мертвой природы. Одна группа австралийцев воображала себя связанной с животными кенгуру, другая — со змеями, третья — с огнем и т. д. Австралийцы делят свои племена на группы: людей-кенгуру, людей-змей, людей-огонь и т. д. Они рассматривают души и «духов» кенгуру, змей и т. д. как предков той или иной группы людей, которые и теперь сохраняют с соответствующей группой сверхъестественную связь. Каждая группа называет себя по имени того или иного предмета или животного, в котором оно усматривает

своего предка. Такое групповое имя по какому-нибудь животному или предмету в науке носит название «тотем», а самая вера в связь человеческой группы с теми или иными животными и предметами называется тотемизмом. Если у какой-нибудь австралийской группы тотемом считается кенгуру, то члены этой группы считают себя потомками духов, представляемых в виде кенгуру. Этих духов они рассматривают как своих покровителей и верят, будто они определенными средствами в состоянии побудить духов кенгуру повлиять на реальных кенгуру. Например, австралийцы тотема кенгуру уверены, что, исполняя религиозный танец, в котором они подражают движениям кенгуру, они в состоянии вызвать усиленное размножение этих животных и тем увеличить запасы этой заманчивой дичи.

Первобытные анимисты, неспособные реально подчинять себе силы природы, воображали, что между сверхъестественным миром духов и душ и миром реальных явлений в природе и обществе существует магическая (колдовская) связь. Они верили, будто магическими (колдовскими) действиями можно принудить духов поступать тем или иным образом на пользу или вред людям. Так например, первобытные охотники конца ледникового периода рисовали на скале медведя, истыканного стрелами и истекающего кровью, с уверенностью, что это заставит дух медведей послать побольше реальных медведей под стрелы охотников.

Австралийцы, проделав ряд мучительных операций над куклой, изображающей недосягаемого врага, верят, будто они этим заставят сверхъестественный мир духов поразить этого врага и причинить ему те же раны, которые они наносят кукле. Бросая заостренную кость в направлении, где по предположению находится смертельный враг, австралийцы воображают, что таким магическим путем они способны на расстоянии умертвить врага.

Все эти магические действия, рассчитанные на принуждение сверхъестественных духов к определенным проявлениям, сопровождаются всякого рода заклинаниями (заговорами). Так как вся природа, по представлению анимистов, населена духами или душами, то магическими действиями первобытные люди пытаются добиться и благоприятных для себя изменений в природе. Так например,

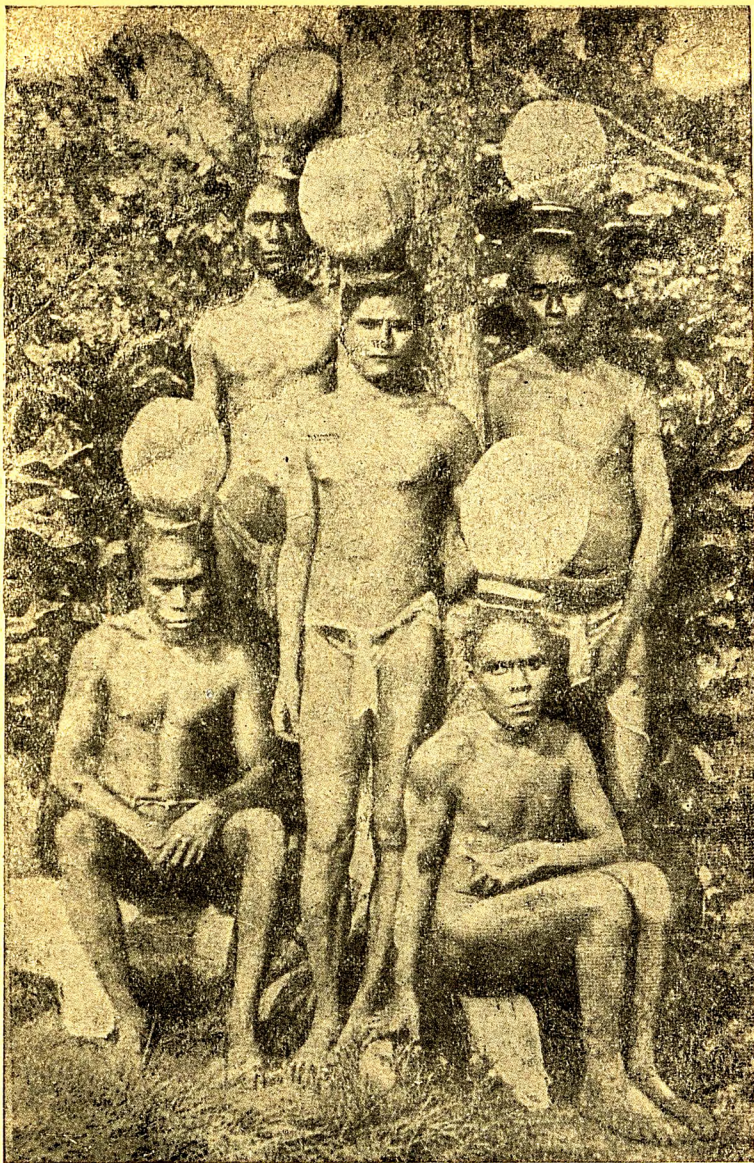

Рис. 32. Один из обрядов посвящения юношей у туземцев Океании: мальчиков заставляют носить на головах кувшинообразные уборы до тех пор, пока они не будут заполнены отросшими волосамц,

австралийцы путем магического надрезывания рук у главы тотема змеи стараются умножить количество змей, которые ими употребляются в пищу. Туземцы Огненной Земли стремятся путем магических танцев вызвать дождь во время засухи.

Мы видим, таким образом, что необходимым элементом первобытной религии, кроме анимизма, была магия (колдовство). Анимизм и магия сохраняются во всех религиях. Молебны христиан во время засухи являются такой же магией погоды, как и танцы огнеземельцев. Религиозная фантазия первобытных собирателей и охотников, измыслив сверхъестественный мир духов и душ и приписав этим духам и душам облик фантастических животных и чудовищ, не могла еще представить себе этих духов вне связи с какими-нибудь материальными предметами. Такие вместилища духов носят в науке название фетишей. (Поэтому древнейшую форму религии, в которой представления о сверхъестественном мире всегда связывались с какими-нибудь предметами, будь то скала, дерево, камень, покойник, колдун и т. д., можно назвать первобытным фетишизмом). Для духов и душ умерших людей и животных (особенно тотемистических) у австралийцев существуют особые фетиши — чуринги. Чурингами являются какие-нибудь каменные и деревянные предметы, разрисованные всякими таинственными знаками. Над чурингами производятся магические операции. Чуринги служат предметом религиозного почитания (культа), ибо в каждой чуринге по верованиям австралийцев обитает какой-нибудь дух.

Бессилие дикаря перед природой породило в нем чувство страха перед выдуманым его фантазией сверхъестественным миром духов. Этим чувством страха проникнуты все разнообразные верования и обряды, которыми изобилует повседневная жизнь дикаря. Страх перед духами породил целую систему запретов или, как они называются в науке, табу, соблюдение которых обязательно и нарушение которых по представлению дикарей влечет болезнь или смерть. Вдова умершего австралийца, например, считает необходимым изменить свою наружность, чтобы дух покойного мужа не узнал ее и не причинял ей вреда. С этой же целью на вдову налагается табу молчания, в силу которого она обязана в течение нескольких месяцев не произносить ни слова. Такого рода табу в разных областях

Рис. 33. Плясуны в масках, изображающие духов, у туземцев полуострова Газели.

быта у дикарей и варваров существует бесчисленное множество.

Если в первобытном племени господствовала тотемистическая религия, когда духи и души представлялись в фантастическом зверином или растительном облике, то в родовом обществе сверхъестественный мир духов рисуется религиозной фантазией в образе фантастических людей, праотцов и праматерей рода или племени. Некоторые представления о том, как рисовался мир духов в воображении людей на этой стадии развития, дают те маски и костюмы,

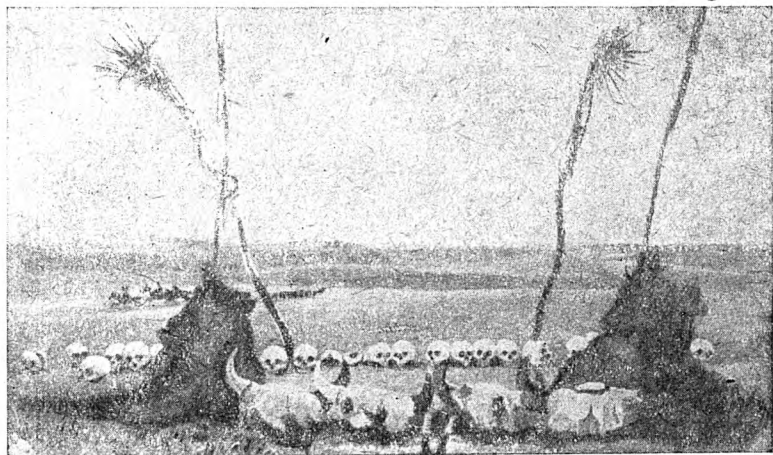

Рис. 34. Жертвенная площадка у североамериканских индейцев мандавов. На ней находились черепа предков, которым приносились в жертвы животные.

в которые наряжались члены рода во время религиозных церемоний и которым, разумеется, приписывалось магическое значение. Впоследствии эти племенные и родовые боги превратились в богов природы, т. е. в духов, управляющих отдельными стихиями природы. Таким образом, в первобытном обществе религия проделала путь от первобытного фетишизма через тотемизм и культ предков к культу природы.

С самого своего возникновения религия приносила огромный вред человеческому обществу. Нелепые выдумки религиозной фантазии, объяснявшие все явления природы

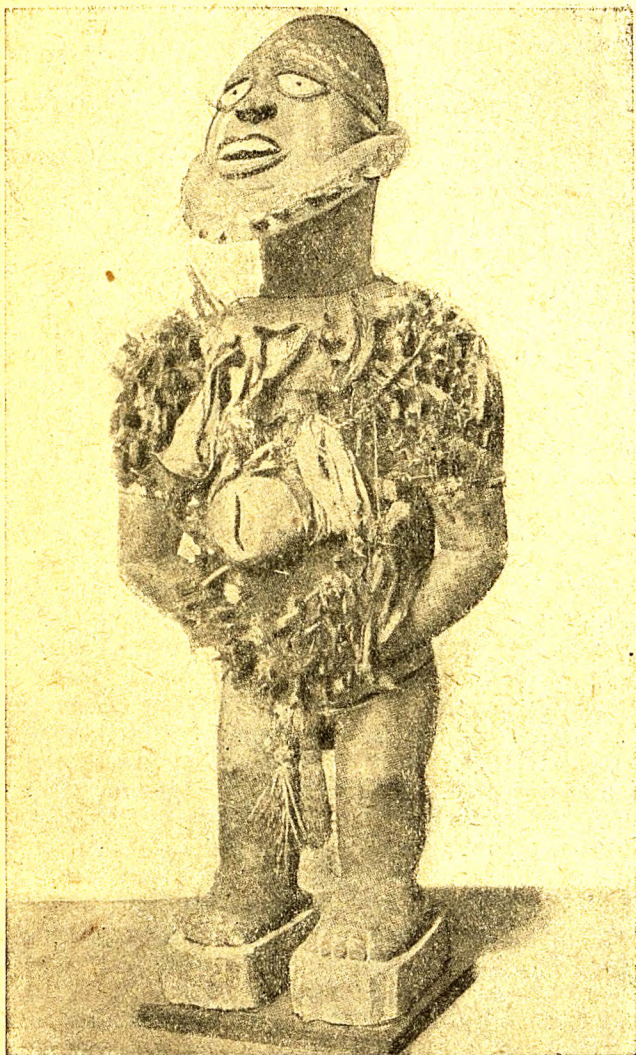

Рис. 35. Статуя, изображающая предка и являющаяся одним из крупнейших фетишей у негров на побережье Лоанго (Африка),

и общественной жизни действием духов, колдовские обряды религии мешали развитию знаний, превращению их в науку путем выяснения законов природного и общественного развития. Они задерживали поступательное движение человечества по пути к овладению силами природы. Они освящали застой и невежество. Они наложили свой мрачный отпечаток на всю духовную жизнь первобытного человечества, в том числе даже на его искусство.

Искусство, которое появилось раньше религии и независимо от нее, имело в первобытном обществе массовый характер. Песни, пляски, рисунки на утвари, оружии и собственном теле (татуировка) и прочее — все это было связано с коллективным трудом (с охотой, земледелием и т. д.), все это было достоянием всего общества, во всем этом участвовали все члены коллектива. Но это искусство, достигавшее иногда большого совершенства, было искажено влиянием религии. Вместо изображения и воспроизведения действительного мира, первобытное искусство по преимуществу изображало и отражало сверхъестественный мир религиозных представлений. В советских и заграничных музеях собран богатейший материал, показывающий, как часто песни первобытных людей превращались в заклинания и молитвы, трудовые пляски — в священные танцы и изображение мнимых духов, живопись и украшения — в колдовские рисунки, призванные задобрить или отпугнуть духов.

Но как ни силен отпечаток, который наложила на всю культуру дикаря религия, культура эта, хоть и медленно, ширилась и развивалась. При всей своей беспомощности, при всей скудости своего опыта дикарь своим трудом, своими успехами и неудачами в борьбе с природой закладывает фундамент того гитантского культурного наследия, которое досталось нам от минувших поколений. В немногих словах трудно даже перечислить, сколь многим, и хорошим, и плохим, обязаны мы дикарю. Техника, земледелие, скотоводство, медицина, живопись, музыка и т. д. — все, что справедливо составляет гордость человечества, — все это, правда, порой в детских и наивных формах, имеется уже у первобытного человека. Возьмем для примера хотя бы письменность. Настоящая, алфавитная письменность, т. е. письменность, в которой значками обозначаются отдельные звуки, возникла уже в классовом обществе. Однако подготовлена она была теми зачатками

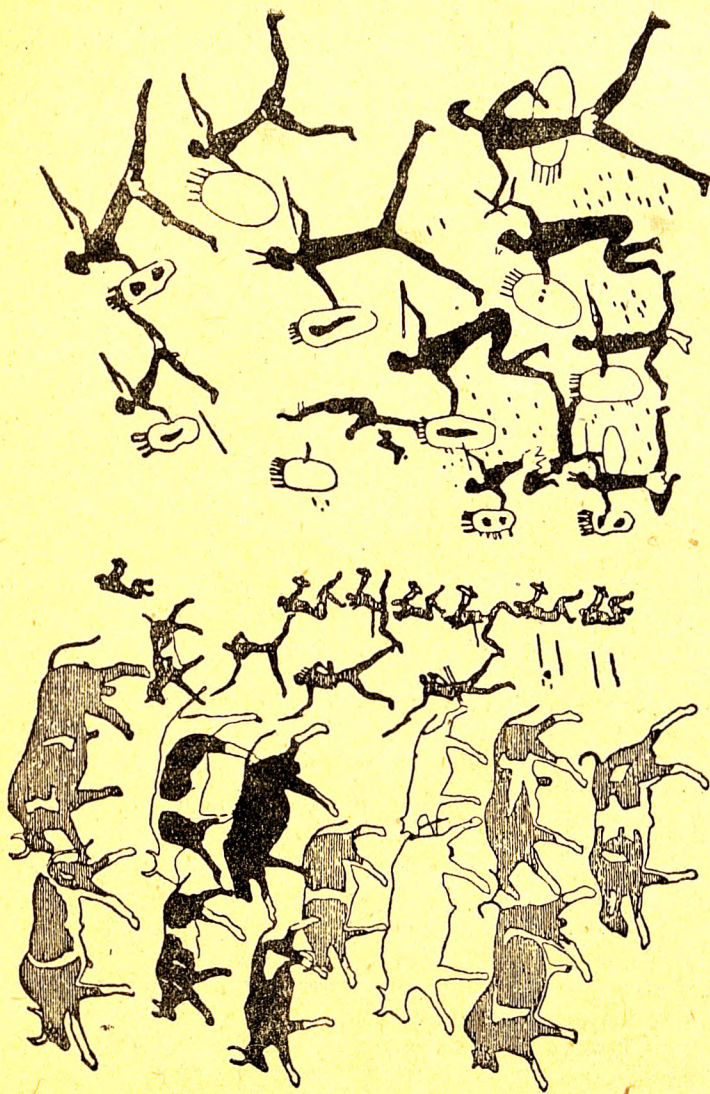

Рис. 36. Бушменский рисунок, изображающий нападение кафров на бушменский скот.

письменности, которые появились еще у дикарей и варваров.

Два с половиной тысячелетия тому назад в наших южных степях обитал варварский народ, за которым утвердилось в истории название скифов. Скифы были очень воинственны и совершали частые походы в очень далекие от них страны. О скифах существует следующий рассказ. Однажды они прослышали, что на них собирается войной персидский царь. Скифы послали к нему гонцов со следующей посылкой. Послы положили к ногам царя птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Однако это была не простая посылка, а целое письмо, которое означало: «Персы, если вы не умеете летать, как птицы, зарываться в землю, как мыши, и прыгать по болотам, как лягушки, то и не думайте идти в нашу страну: мы осыпем вас стрелами и истребим вас». Скифы, таким образом, для выражения своих мыслей применили не буквы, означающие определенные звуки, из которых складываются слова, а предметы, также представлявшие собой знаки, но знаки, нуждавшиеся в комментариях и пригодные только для данного случая.

У первобытных народов очень распространен был обычай выражать и закреплять свои мысли не в буквах, черным по белому, как это делаем мы, а в предметах и рисунках. Разные племена и народы вырабатывали разные системы узелков, рисунков, клейм, — словом, сигналов, при помощи которых они выражали свои мысли. Сигналы эти были попроще и посложнее. Когда тунгусский охотник в Сибири отправляется в дальний путь, он где-нибудь втыкает в снег палку, наклоняя ее в одну сторону. Другой охотник, наткнувшийся на эту палку, быстро и безошибочно узнает по ней, в каком направлении ушел водрузивший этот знак путник. Если палка наклонена сильно, то это означает, что ушедший где-нибудь близко расположится на стоянку; если палка перегорожена кольшком и подле воткнута другая палка в новом направлении, то это обозначает, что ушедший собирается на известном расстоянии свернуть в другую сторону. Перед нами здесь образец своего рода предметного письма, когда предметы служили символами с определенным значением.

Особенно распространено было у первобытных народов узелковое «письмо» и заломинание при помощи за-

рубок. С незапамятных времен люди ощущали необходимость в том, чтобы внешне выразить и закрепить свои мысли и чувства такими знаками, которые можно было бы видеть. Узелки и зарубки как раз и являлись такими знаками. Пережитки этого обычая до сих пор сохранились в нашем языке. «Зарубите себе на носу», — говорим мы, когда хотим, чтобы наш собеседник крепко запомнил наши слова. Когда-то древние люди делали настоящие зарубки, — не на носу, конечно, а на палках, чтобы запомнить что-либо, число ли овец в стаде, счет дней, долг соседа и т. д. «Завяжите себе узелок», — шутим мы, когда боимся, что собеседник забудет о нашей просьбе. А когда-то древние китайцы, персы, мексиканцы и другие народы действительно применяли завязывание узелков для запоминания всяких событий и предметов. Они носили с собой целые шнуры, испещренные узелками разной толщины и разного цвета, причем каждый узелок имел свое значение: желтый узелок мог означать золото, зеленый — кукурузу, черный — болезнь и т. д. Туземцы островов Великого океана передавали друг другу целые сообщения при помощи различных узелков на веревочке. Один островитянин, попавший на европейский корабль, вздумал вести «узелковый» дневник, т. е. узелками на веревочке отмечать все, что казалось ему достойным внимания. Однако любопытного в пути оказалось так много, что бедный островитянин совсем запутался в своих узелках и бросил свой узелковый блок-нот.

Североамериканские индейцы употребляли вместо веревочек с узелками шнуры с нанизанными на них раковинами разных размеров и разной окраски. Эти шнуры, когда они применялись при совершении каких-нибудь договоров, назывались «вампу́м». Когда индеец из племени ирокезов являлся к своему соплеменнику, держа в руках шнурок, на котором были нанизаны рядом четыре раковины — белая, желтая, красная и черная, то хозяин сразу понимал гостя. Шнурок последнего представлял собой не что иное, как письмо, которое означало: «Давай мириться, я хочу занять у тебя денег, если же ты будешь продолжать ссору, то мне придется очень плохо». Когда индейские племена вели между собою переговоры, то послы обязательно имели с собой вампу́м, который они отдавали со словами: «Этот пояс содержит мои слова».

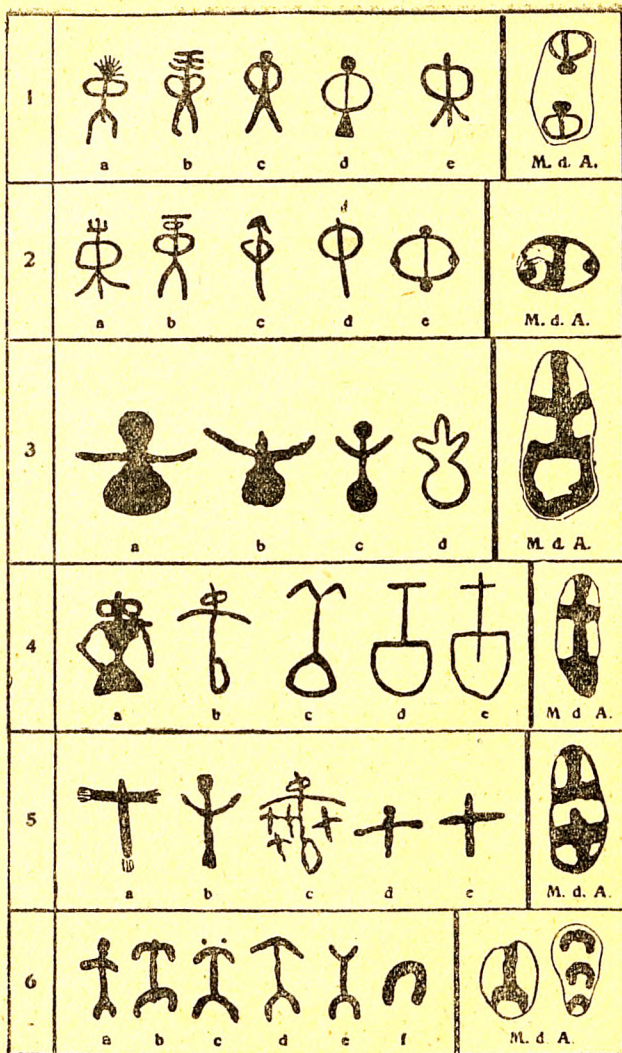

Рис. 37. Испанские „петроглифы“ (скальные знаки) принадлежащие человеку каменного века.

При произнесении речи посол старался закрепить в сознании слушателей связь между его словами и определенными раковинами. Вампумы оставались у вождя, который, сколько бы шнурков у него ни накопилось, отлично помнил, кто какие шнурки приносил и что при этом говорил. Через известные сроки вождь собирал воинов своего племени, показывал им эти своеобразные документы и заставлял их запоминать их значение. По свидетель-

Рис. 38. Изображение бизона из пещеры древнекаменного века во Франции.

ству очевидцев, многие индейцы с точностью могли указать на вампуме место, соответствовавшее той или иной части в речи посла, принесшего этот пояс, подобно тому как мы можем указать в тщательно изученной книге страницу, где напечатано то или иное место.

У большинства охотничьих и скотоводческих народов всегда существовал обычай делать насечки на деревьях с ульями и выбивать тавро на шкуре быков и лошадей: эти насечки и клейма были знаками, показывавшими, что деревья и скот имели владельцев. Они сигнализировали: «Не трогать! Это — мое!» — подобно тому, как красный

Рис. 39. Пиктографическое живописное письмо у индейцев сиуков на буйволиной коже.

огонь светофора на перекрестках наших людных улиц сигнализирует: «Стоп! Проезд закрыт».

Однако — все эти знаки, все эти насечки, зарубки, клейма, раковины — все это еще не письменность, все это еще очень далеко от алфавита. Узелок на шнурке у индейца в разных случаях может иметь разное значение, как и зарубка на палке пастуха. У одного они могут означать овцу, у другого — мешок зерна, у третьего — убитого врага и т. д. Наиболее близко подходит к настоящей письменности так называемая пиктографическая или живописная письменность первобытных людей. Уже на скалах пещер, в которых жил человек ледникового периода, раскопки обнаружили множество иногда с большим художественным талантом исполненных рисунков, изображавших отдельные сцены из быта первобытного охотника. Нет ничего удивительного в том, что первобытные люди постепенно стали путем картинок, рисунков на каменных памятниках, на коре, а иногда и на собственном теле выражать и закреплять свои мысли, фиксировать те или иные события из своей жизни. Так называемое пиктографическое или живописное письмо получило сильное распространение у многих народов, особенно у индейцев. Этим письмом индейцы пользовались и в переговорах между племенами, посылая куски коры с изображениями, излагающими предмет и условия переговоров, и для сохранения в памяти потомства важных фактов и событий. У некоторых индейцев велись целые летописи на коре или обработанных шкурах убитых животных. В одной из подобных летописей прибытие европейцев в Америку было обозначено лебедем, извергающим из клюва огонь и дым. Белые перья этой водяной птицы означали белые лица европейцев, которые прибыли в Америку по морю, а огонь и дым напоминали огнестрельное оружие европейцев. Из этой первобытной пиктографической или живописной письменности возникла сначала иероглифическая письменность, где определенные знаки существовали уже для отдельных слов, а затем и напечатавшаяся.

Но то, что мы видим по отношению к письменности, происходило и во всех остальных областях человеческой культуры. Всюду дикарям и варварам принадлежат первые, самые трудные шаги.

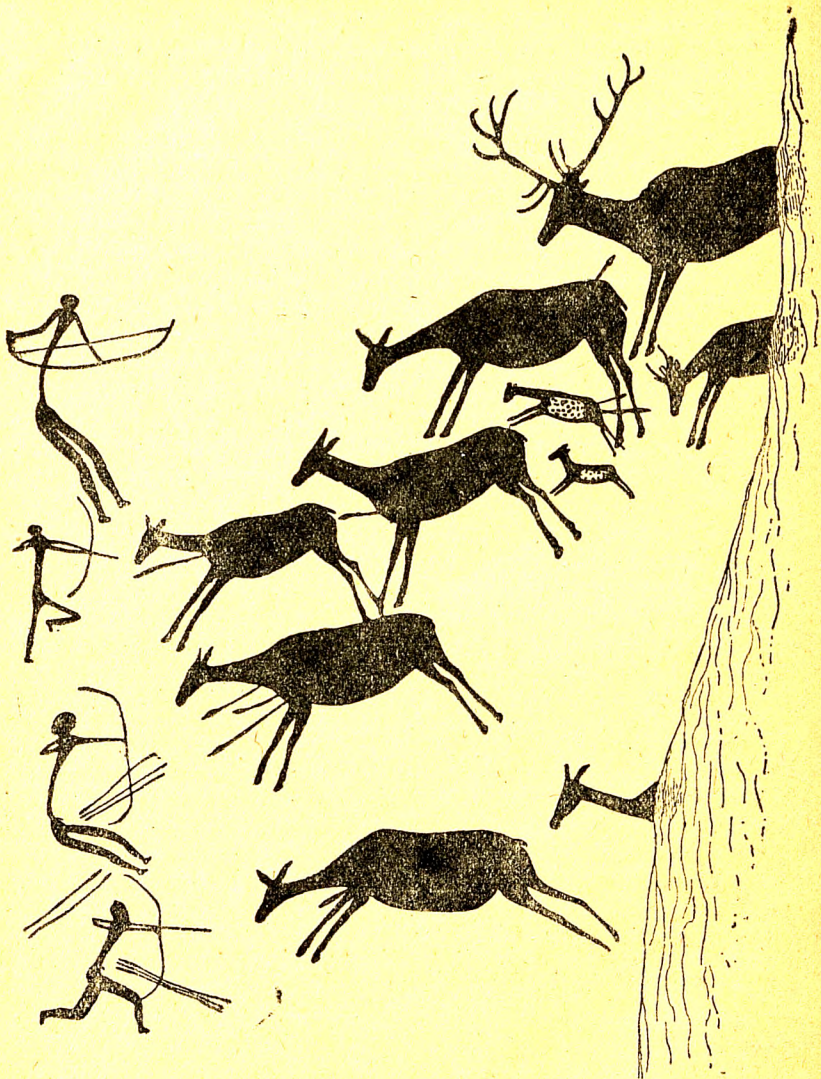

Рис. 40. Охота на оленей. Пещерная живопись из „Пещеры всадников“ в Испании.

12. ПОДГОТОВКА К „ТРУДУ И ОБОРОНЕ“ У ДИКАРЕЙ И ВАРВАРОВ

Все исследователи наименее культурных народов в один голос отмечают, что игры и пляски поглощают у отсталых племен больше энергии и времени, чем производительный труд. Описывая ночные пляски у некоторых африканских негров, этнограф Рид отмечает: «Спят ли негры вообще, за исключением дождливых дней, — это вопрос, заслуживающий серьезного исследования». Христианские миссионеры жалуются, что туземцы Новой Гвинеи все ночи напролет предаются пляске, так что утром они уже не в состоянии выслушивать душеспасительные беседы в миссионерской школе. Всякого рода игры служат у дикарей предметом поголовного увлечения как для детей, так и для взрослых. Больше того, в репертуаре современного спорта мы находим мало видов упражнений и игр, которые в зародышевой или даже развитой форме не были известны тем или иным отсталым племенам. Все это, конечно, еще очень далеко от физкультуры в полном смысле этого слова, но не более далеко, чем труд дикаря от труда цивилизованного человека хотя бы в капиталистическом обществе.

И труд и отдых дикаря отличается крайней неравномерностью, несистематичностью, недостаточной целеустремленностью и плановостью, непропорциональностью между затратой энергии и эффектом. Если по временам дикарю под влиянием неотвязной нужды и голода приходится долго и напряженно трудиться, если труд вообще является совершенно необходимым условием существования дикаря, то все же равномерный, постоянный, систематический и строго продуманный труд, как показывает богатейший этнографический материал, дикарю в нормальной обстановке почти неизвестен. Этот факт, однако, ни в коей мере не служит аргументом в пользу излюбленных разглагольствований белых колонизаторов о природной лени дикаря, о его пристрастии к бездельничанию, о его паразитизме. «Даяк, — пишет известный исследователь Индонезии Мак-Дауголл, — не ленив; правда, он не работает так, как нам приходится работать, но он всегда чем-нибудь занят: то вырезывает орудия, то домашнюю утварь. Женщины и подавно работают очень усиленно».

Вследствие своего бессилия в борьбе с природой, вследствие отсталости своей техники, вследствие крайней ограниченности своего культурного опыта, вследствие мизерной эффективности своего труда дикарь иногда может затратить большие даже на наш взгляд усилия ради достижения какой-нибудь ничтожной по хозяйственной значимости цели, ради например изготовления просверленного и отполированного каменного топора, но все эти усилия лишены равномерности и упорядоченности. За пе-

Рис. 41. Пляска туземцев острова Танги.

риодами напряженного и даже изнурительного труда следуют периоды праздности и сплошных развлечений.

Отдых, разумеется, столь же мало рационализирован, как и труд. Вот, например, типичная картина ночного времяпрепровождения у индейцев Гвианы, описываемая Им-Турном: «Когда, наконец, день пройдет и женщины наберут довольно хвороста для ночных костров, они укладываются в свои гамаки, и тут начинается общий разговор. До глубокой ночи мужчины рассказывают бесконечные истории, порой производящие впечатление однообразного певучего гудения, порой рассказываемые в лицах, с большим пафосом и красноречивыми жестами. Мальчики и юноши со своей стороны прибавляют шуму; они бродят

вокруг хижин и дуют в рога и дудки. Непокойно ночью в деревне индейцев. Эти люди засыпают легко, как собаки, и спят не долго, зато часто, — все равно днем или ночью, как вздумается. Мужчины, успевшие выспаться днем в несколько приемов, не нуждаются в ночном отдыхе, а на женщин никто не обращает внимания». Другой наблюдатель, проживший несколько лет среди туземцев Новой Зеландии, дает следующую характеристику повседневной жизни дикаря: «Редко можно увидеть новозеландца, занимающегося с равномерным усердием одним и тем же делом. Он не знает цены времени, и ему все равно, когда кончить одну работу, когда начать другую. Он ведет неупорядоченный образ жизни, ему и в голову не приходит как-нибудь урегулировать свою деятельность, разделив ее по часам. Во всем он следует природе: он наедается до отвала, как только проголодается, ложится спать, как только испытывает усталость или сонливость, принимается танцевать, как только чувствует избыток жизненной энергии». Таких свидетельств можно привести сотни и в отношении самых разнообразных племен земного шара.

Рассмотрев значительный этнографический материал о дикарях, известный немецкий ученый Ратцель приходит к следующему выводу: «Дикарь в общем исполняет часто не меньшее количество работы, чем культурный человек, но он исполняет ее неправильным образом и в известном смысле скачками и по настроению; напряженная и планомерная работа отвращает дикаря».

Но если дикарь и варвар работают недостаточно систематично и напряженно, то это вовсе не означает, что их труд не требует выучки и тренировки. Возьмем для примера бушмена-охотника из пустыни Калахари в Африке. Главными животными, на которых охотились бушмены, были различные породы антилоп, дикие свиньи и страусы. В то время как мужчины охотятся, женщины занимаются собирательством, приготовлением пищи и т. д. Бушменская охота требует большой ловкости и выносливости. Чтобы близко подобраться к луком и стрелами к чутким животным пустыни, бушменским охотникам приходится прибегать к искусной маскировке. Белые путешественники не раз бывали очевидцами подобной охоты с переодеванием. Бушмен прикрывается, как седлом, шкурой страуса с прикрепленным к ней чучелом шеи и голо-

Рис. 42. Медвежья пляска у северо-американских индейцев.

вы, вымазывает ноги белой краской и вообще придает себе обличие страуса. Затем, держа в левой руке лук, он со всеми страусовым повадками приближается на расстояние полета стрелы, двигаясь против ветра, чтобы стая страусов не учуяла запаха человеческого тела. Если удастся убить страуса, поддельный страус бежит за вспугнутой стаей, чтобы повторить тот же маневр. Бушмен неутомим: он может сделать 140 километров в двое суток. Такая выносливость и «резвость» требует, конечно, выносливости и закалки. И, действительно, бушмены с раннего детства начинают готовиться к борьбе за существование, а охотничья тренировка занимает большое место в их жизни.

В качестве другого примера возьмем уже не дикарей, а варваров. Новотвинейские папуасы, особенно те, которые живут на побережьи, являются не только земледельцами и охотниками, но также и опытными рыболовами. С раннего детства они приучаются к морю, к плаванию, к борьбе с капризной водной стихией. Достаточно привести хотя бы одно описание охоты на дюгоня («морскую корову»), чтобы убедиться, как много выдержки и тренировки нужно этим переобитным охотникам. «На бугшприте нашей барки, — пишет один исследователь, — стоял гарпунщик, держа наготове свою острогу. Острога в 4 метра длины имела в конце бутылкообразную форму. Здесь было сделано отверстие, в которое вдевался большой свободно прикрепленный крючок. К этому крючку прикреплен целый клубок веревки, которую храбрый охотник держит в руке. Вот орлиный взгляд гарпунщика увидел совсем близко торчавшую из воды спину животного. Кругом царило напряженное молчание. Мы все дрожали от волнения. Гарпунщик, оттолкнувшись всем телом и сделал прыжок, изо всех сил всадил крючек в толстую кожу животного. Царившее молчание разрядилось дикими криками восторга. Веревку стали распускать. Второй охотник схватился за веревку и бросился в море. Он плыл по волнам, влекомый раненым зверем, с силой рассекавшим воду. Четыреста метров прошлыл он таким образом, пока животное не замедлило скорость; тогда он стал, перебирая руками веревку понемногу приближаться к своей добыче. Я был свидетелем весьма своеобразной борьбы: наш герой появился в середине бурлящего круга, верхом на морской

Рис. 43. Олва на бизонов у северо-американских индейцев.

корове, изю всех сил пытавшейся сбросить его. Он прилег всей своей тяжестью на шею и голову животного и не дал ему высунуть из воды голову. Победа осталась за охотником, так как животное вскоре задохлось от отсутствия воздуха . . . Жители Торресова пролива — отважные спортсмены: волнения и опасности охоты привлекают их больше, чем сама добыча».

Гребля, плавание, ныряние — излюбленный спорт папуасов, живущих у моря или в болотистых районах Новой Гвинеи. До какого совершенства они доходят в этом спорте, показывает следующее свидетельство известного уже нам Франка Гэрли относительно туземцев бабаи: «Как и везде, где мы только ни показывались, наше появление послужило сигналом для появления множества лодок, немедленно окружавших наш корабль. Казалось, они рождаются из тумана, так неожиданно появились они со всех сторон. Они бесшумно приближались к нам, скользя, подталкиваемые веслами, по тине. Это был один из самых странных карнавалов, которые я когда-либо видел. Издали получалось впечатление, что люди идут по воде. Когда они приблизились, обнаружили и лодки из выдолбленных стволов, имеющие около трех метров длины и в ширину размер, достаточный лишь для стоянки одного человека. Эти лодки управляются туземцами настолько ловко, что они как бы становятся составной частью пребца. Равновесие соблюдается чисто инстинктивно, тем более, что воды кишат здесь крокодилами. Мир, окружающий этих людей — вода и тина. Так как они могут передвигаться с места на место только при помощи своих челноков, то они достигают такого совершенства, что кажется, будто они родились с этими челноками на ногах; для них плавание в выдолбленных стволах так же естественно, как для нас хождение пешком».

Физкультура, тренировка занимают огромное место в повседневном быту первобытных людей, в их буднях и праздниках. Ею пронизаны все игры и пляски, до которых они так охочи. Общеизвестно, что пляска играет огромную роль в жизни дикаря и варвара. В будни она служит физкультурой и духовной зарядкой перед любым важным трудовым актом, перед каждым охотничьим и военным походом. Индейцы бакайри, например, перед посевом несколько ночей подряд проводят в непрерывных плясках.

Рис. 44. Охота на бизонов у северо-американских индейцев. Охотники подкрадываются к стаду замаскированные волками.

На работу они отправляются с песнями и танцами, с песнями и танцами возвращаются они домой после шести дней работы.

Во время празднеств ни одна церемония не обходится без танцев. Вот например, что пишут известные австраловеды Болдуин Спенсер и Фредерик Гиллен об австралийском племени арунта: «Некоторое представление о важности обрядов энгвур (т. е. посвящения юношей) можно получить из того, что в случае, виденном нами, они начались в середине сентября и продолжались до середины января следующего года. В течение всего этого времени обряды следовали за обрядами без перерыва. Не проходило дня без исполнения какого-либо обряда, а иногда их бывало до 5 и 6 в одни сутки. Обряды (а каждый из обрядов неизменно сопровождается той или иной пляской) исполнялись во всякое время дня и ночи, но излюбленным временем было время перед закатом солнца».

Игра так густо заполняет быт первобытного человека, что некоторые буржуазные ученые выдвинули теорию, согласно которой самый труд человека вырос из игры. Уже давно Г. В. Плеханов вскрыл несостоятельность этой теории. Он привел целый ряд соображений, подтверждающих противоположную точку зрения В. Вундта, крупного немецкого психо-физиолога. «Игра есть дитя труда, — говорит Вундт. — Нет ни одной формы игры, которая не имела бы своего образца в том или другом виде серьезного занятия, как это само собой разумеется, предшествующего ему во времени. Ибо жизненная необходимость принуждает к труду, а в труде человек мало-помалу научается смотреть на употребление в дело своей силы, как на удовольствие». В качестве иллюстрации Г. В. Плеханов приводит ряд примеров из быта отсталых племен. «Эйр говорит, что дети австралийских туземцев часто играют в войну и что такая игра очень поощряется взрослыми, так как она развивает ловкость будущих воинов. Это же мы видим у краснокожих Северной Америки, у которых в такой игре иногда принимают участие многие сотни детей под предводительством опытных воинов. По словам Кетлина, такого рода игры составляют у краснокожих основу их системы воспитания. Существующая у названных мною первобытных народов «система воспитания»

ведет к тому, что в жизни индивида игра в войну предшествует действительному участию в войне. Но почему же у названных народов установилась такая система воспитания, в которой игра в войну занимает столь большое место? Потому что у них очень важно иметь хорошо подготовленных воинов, с детства привыкших к различным военным упражнениям; значит, с точки зрения общества (рода) дело представляется совсем в другом свете: сначала — настоящая война и создаваемая ею потребность в хороших воинах, а потом уже игра в войну ради удовлетворения этой потребности... В жизни общества труд старше игры». Пример, приведенный Г. В. Плехановым, особенно ценен потому, что в нем очень легко прощупываются элементы полезной и для обихода деятельности, игры как разрядки накопившейся энергии у молодежи, и физкультуры как «системы воспитания».

Как ни бессилен был дикарь перед природой, как ни велик был ее гнет над ним, как ни убого было его существование, условия его жизни даже на самых ранних ступенях развития давали достаточный простор для игры. Но уже на этих ступенях человеческой культуры игра приобретает характер зародышевой физкультуры, т. е. системы физического воспитания, подготовляющей человека к его функциям как члена коллектива. Пляски австралийцев, например, являются в корне своем игрой, но эти же пляски являются у них и зародышевой физкультурой. По свидетельству Эйра, австралийская женщина изображает в пляске, между прочим, вырывание из земли питательных корней растений, т. е. чисто трудовой акт, лазание на дерево в поисках опоссума (мелкого сумчатого зверька) и т. д. В этой пляске, наряду с художественными моментами, совершенно явственны и моменты физкультурные, т. е. моменты воспитательного характера. Пляска оказывается не только физическим упражнением для взрослой женщины, но и своеобразной «школой» для младшего поколения. Дочь пляшущей австралийки, находящаяся в таком возрасте, когда ей еще не приходится заниматься добыванием пищи, подражает телодвижениям матери и тем самым подготавливает себя к будущей роли собирательницы пищи.

Разумеется, в пляске физкультурные моменты неразрывно связаны с художественными, но это своеобразное

влияние искусства и физкультуры вообще крайне характерно для культуры доклассового общества. Вот как, например, известный путешественник Стэнли описывает военную пляску, виденную им у негров экваториальной Африки: «Тридцать три шеренги по тридцать три человека одновременно подскакивали и одновременно же опускались на землю... Тысяча голов составляла как бы одну голову, когда они сначала одновременно поднимались с торжествующей энергией, а затем склонялись с жалобным стоном... Их душа переходила в присутствующих, которые с горящими глазами, полные энтузиазма, стояли вокруг, потрясая кулаком поднятой вверх правой руки... А когда пляшущие воины, склонив голову, опускались на землю, между тем как их песня звучала печальной жалобой, наше сердце сжималось невыразимой тоской, мы как бы присутствовали при ужасах поражения, при грабеже и убийствах, мы слышали стоны раненых, мы видели вдов и сирот, плачущих среди разрушенных хижин и опустошенных полей... Это было, конечно, одно из самых прекрасных и самых потрясающих зрелищ, виденных мною в Африке». Физкультурный характер этой пляски не подлежит никакому сомнению. Подобно тому, как упомянутая пляска австралийских женщин служит своего рода подготовкой к труду женщины-сборщицы, военная пляска, виденная Стэнли, представляет собой подготовку мужской части племени к «обороне», к функциям воинов и охотников. Но эта пляска является вместе с тем и художественным произведением, выражающим чувства, стремления и чаяния первобытного человека. Утилитарные, трудовые, производственные корни просвечивают в описанной Стэнли военной пляске не менее отчетливо, чем в пляске австралийских женщин. Характер ее определяется в конечном счете общественным производством в племени, где каждый взрослый мужчина является одновременно и воином и охотником, употребляя на войне в качестве оружия орудия охоты.

Физкультурный момент просвечивает во всех играх первобытных людей, а этими играми заполнены все будни и праздники дикарей и варваров. Вот, например, игра в мяч. В родовом обществе игра в мяч достигает такого расцвета, которого она не имеет даже у цивилизованных народов. Особенно рьяными игроками в мяч являются ин-

дейцы обеих Америк. Стюарт Кулен в своей монографии о мяче отводит целых 150 страниц на одно только краткое описание различных индейских игр в мяч. Каких только игр здесь ни находишь: здесь и лапта, и хоккей (который у индейцев является женской игрой), и футбол, и головной мяч и т. д. В одних играх число участников ограничивается 6—10 человеками, в других принимали участие сотни игроков.

Рис. 45. Коллективная игра в мяч у индейцев Чокта.

Одной из наиболее распространенных была игра в своего рода лапту. Правила ее у разных племен очень различались, общим было требование не касаться мяча руками. Каждый игрок имел в руках одну или две ракетки, которыми мяч и должен был отбиваться и загоняться в свои ворота или ворота противника. Вот как исследователь Джордж Кетлин описывает эту игру у североамериканского племени чокта. Игра эта устраивалась не только между двумя партиями внутри одного племени, но и между отдельными племенами. У чокта в игре участвовало иногда по тысяче человек в присутствии 4 000—6 000 зрителей. К игре готовились месяцами, команды и лидеры подбирались очень тщательно: «Накануне состоя-

зания, — пищет Кетлин, — старики отмечают площадь, отводимую для состязания, сооружают ворота на расстоянии 250 метров друг от друга, проводят между ними борозду и посредине воздвигают столб, который указывает место, откуда должен бросаться мяч в начале игры. У борозды этой заключаются пари и кладутся ставки, которые охраняются в течение ночи. Старики и лидеры должны обладать хорошей памятью, чтобы не перепутать ставок, которых накапливается несколько тысяч.

Ночью обе команды при свете факелов собираются к своим воротам и исполняют пляску мяча. Они в полном вооружении и хлопают своими ракетками. Вдоль борозды в два ряда выстраиваются женщины, которые песнопениями умоляют великого духа ниспослать победу их стороне. У столба великому духу приносится жертва. Пляска продолжается по полчаса и повторяется в течение всей ночи.

Утром часов в 9 начинается игра. Участники выходят на арену лишь в одних передниках, к которым сзади подвешены длинные хвосты из белых конских волос. Каждый игрок держит в руках две ракетки. Ракетка представляет собой палку, которая на одном конце загнута овалом. Обруч этот затянут сеткой. Мяч подбрасывается высоко кем-нибудь из посторонних, становящимся посредине, после чего каждый из игроков старается поймать мяч одной из своих ракеток и загнать его в свои ворота. Выигрывает та партия, в чьи ворота загоняется мяч. Так как противная команда стремится этому помешать, то на арене поднимается невероятная беготня, толкотня и возня тысяч участников. После каждого загона игра прерывается на несколько минут и затем возобновляется. Выигрывает та команда, которая сто раз загнала мяч в свои ворота. Неудивительно, что игра затягивается до заката».

Одной из наиболее распространенных спортивных игр является состязание в беге. Оно фигурирует в физкультуре всех известных нам родовых обществ. У южно-американских индейцев в беге участвуют не только мужчины, но также женщины и дети.

У многих племен эти, как впрочем и многие другие состязания, носят массовый характер и приурочены к определенным периодам года, связанным с их хозяйственным

календарем (время созревания определенных плодов, окончания охоты, рыбной ловли и т. п.).

Нередко бег взапуски усложняется тем, что каждый из бегущих, неся на плече тяжелый деревянный брусок, должен, бросая его во время бега, попасть в цель. По окончании состязаний, они так же как и после больших переходов, отдыхают, стоя на одной ноге, упираясь в ее колено пятой другой ноги.

Какого мастерства в беге достигали некоторые индейские племена, показывает пример племени тарагумара (в Северной Мексике), которых норвежский исследователь Карл Лумгольдц, изучавший их, называет лучшими бегунами в мире, — правда, не в смысле скорости, а в смысле длительности и выдержки. По его словам, индеец тарагумара в состоянии пробежать без перерыва в состязании на длительность 170 английских миль, т. е. 273 км. Он приводит случай, когда гонец этого племени проделал путь в 1920 км в 5 дней. А между тем эти индейцы обычно питаются только маисовыми лепешками и водой. К. Лумгольдц оставил описание состязаний, которые имеют обыкновение устраивать индейцы тарагумара. Две партии бегунов через своих главарей заранее уславливаются относительно времени, места и прочих условий состязания. Участники бега различаются по своим головным повязкам. Беговая дорожка намечается зарубками на деревьях, бывает она обычно кругообразной, длиной от 5 до 23 км. Пробежать ее приходится по несколько раз, иногда не меньше десятка. Бегуны специально не готовятся к бегу, так как достаточно тренируются и так, они только по разу пробегают по дорожке, чтобы запомнить ее. Особенно серьезное внимание уделяется диете: жир, картофель, яйца и все сладкое запрещено бегунам, так же как и половые сношения. Им разрешается мясо кролика, оленя, крыс и т. п.; предполагается, что мясо это обладает магическими свойствами.

Во время бега каждый отряд толкает перед собой ногами деревянный шар в 6 сантиметров в поперечнике. Ударом ноги он отбрасывается метров на сто. Весь отряд бежит за шаром, и тот, кто настигает его первым, толкает его вперед. Этому шару приписывается магическое воздействие на скорость и выдержку бегунов. Колдовству вообще отведено большое место в этих состязаниях. Кол-

Рис. 46. Игрок в мяч у индейцев Чокта в полном военном наряде.

дуны продельывают над бегунами всякие магические процедуры и снабжают их амулетами, которые должны предохранять их от враждебного колдовства. Поражение всегда приписывается не качествам противной партии, а чьему-нибудь враждебному колдовству. Во время состязания все внимание обращено не столько на скорость, сколько на длительность бега. Участники стараются бежать с равномерной скоростью, которая постепенно уменьшается. К. Лумгольд во время одного состязания, когда участниками было проделано 33,6 км в два часа, специально наблюдал за одним из лидеров и установил, что в первом круге он делал 96 м. в 19 сек., а во втором — то же расстояние в 24 сек.

Все население принимает самое горячее участие в состязании. Одни с воодушевлением бегут за состязавшимися, другие помогают им извлекать шар из кустов и травы, женщины подносят им лепешки или окатывают их водой для освежения. С наступлением сумерек факельщики освещают им дорогу. До поздней ночи иногда продолжается бег, пока наконец самый выносливый из бегунов первым не закончит полного количества кругов. Победителя ждет восторг его партии и признание всего племени.

Физкультурный момент легко разглядеть и в тех знаменитых церемониях посвящения юношества, которые имеются у всех известных этнографии первобытных племен и которые, казалось бы, носят чисто религиозный характер. Вот, например, праздник «окипе» у индейцев манданов, продолжавшийся четыре дня. Во время этого празднества совершался прием юношей в ряды воинов. Посвященные должны были поститься в течение четырех дней. Затем в разрезы, которые делались на теле посвящаемых при помощи зазубренных ножей, втыкались деревянные палочки, за которые посвященных при помощи веревок подтягивали к потолку, оставляя их висеть с подвешенными к ногам буйволловыми черепами. После ряда других пыток посвященных выводили на своего рода состязание, которое называлось «последним бегом». В празднике «окипе» физкультурные моменты, а именно состязание в беге, испытание выносливости и боевой закалки причудливо переплетены с религиозными моментами, поскольку самое посвящение юношей являлось религиозным

таинством и поскольку руководители церемонии то и дело обращаются к духам, действуя якобы от их имени. То же самое видим мы и в церемониях посвящения у огнеземельского племени она. По словам Агостини, изучавшего быт и нравы этого племени, от которого ныне сохранилось не больше двухсот человек, каждый четырнадцатилетний юноша вводился в среду взрослых после торжественной церемонии «клокетен», совершавшейся всегда осенью в отдаленном месте, где-нибудь в лесу или в горах. Этой церемонии предшествовал длительный испытательный период, в течение которого посвящаемый должен был сам себе добывать пищу охотой, подвергнуть себя всякого рода ограничениям и испытаниям. Церемонии, чисто религиозной по существу, предшествовал своего рода экзамен на физическую выносливость, на нечувствительность к боли, на бесстрашие, на умение ориентироваться в чужой местности — словом, экзамен на воина и охотника.

Физкультурными элементами богаты у дикарей не только посвятительные церемонии, но и всякие иные их празднества. Игры, пляски, сложные и замысловатые физические упражнения неизменно сопутствуют любому торжественному собранию у австралийцев, у южноамериканских индейцев, у африканских негров, у меланезийцев и т. д. И все они большей частью переплетены с религиозно-магическими представлениями. В этом нет ничего удивительного. Религия занимает очень большое место в повседневной жизни дикаря. Религией, верой в сверхъестественный, потусторонний мир освящены все обычаи, все традиции дикаря, в том числе и те, которые связаны с физкультурой, с воспитанием подрастающего поколения. Первым, лейтмотивом дикарской религии, как и всякой религии вообще, является чувство страха, питаемое бессилием дикаря перед природой. *Новейшие этнографические материалы с новой силой подчеркивают, что представление о первобытном человеке, как о философе, доискивающимся объяснения непонятных явлений, есть продукт кабинетных домыслов цивилизованного и высококультурного европейца. Первобытный человек меньше всего философствует и больше всего боится.*

Вот, например, замечательная беседа недавно умершего исследователя Кнута Расмуссена с одним эскимосским шаманом, Ауа, который выразил мироощущение примитив-

ного человека в следующей красочной форме: «Мы не верим, мы боимся. Все наши обычаи исходят от жизни и направлены к ней. Мы ничего не объясняем, мы ни во что не верим... Мы страшимся вести борьбу с морем и землей, у которых мы вырываем нашу пищу... Мы боимся Сиды, бога луны. Мы боимся нужды и голода в наших холодных жилищах из снега ... Мы боимся Таканакажалук, большой женщины, которая пребывает в морской глубине и господствует над морскими животными. Мы боимся болезни, которая всегда готова настичнуть нас. Мы боимся

Рис. 47. Состязание в беге у индейцев Тарагумара.

не смерти, а страдания. Мы боимся злых духов жизни, воздуха, моря, земли, способных содействовать злонамеренным шаманам в нанесении вреда людям. Мы боимся душ покойников и душ убитых нами животных. Вот почему отцы наши унаследовали от отцов своих все древние правила жизни, которые основаны на опыте и мудрости поколений. Мы не задаемся вопросами «как» и «почему», но мы соблюдаем эти правила, чтобы избежать несчастья. Мы столь невежественны, что все необычайное вызывает у нас страх. Мы страшимся всего, что мы видим вокруг себя; мы страшимся невидимых вещей, которые нас окружают, всего того, о чем нам рассказывают предания наших предков. Вот почему мы имеем и блюдем наши обы-

чай». Все необычайное и всякий обычай, к какой бы сфере личной и общественной жизни он ни относился, — все это для дикаря связано со сверхъестественным миром. Любая игра, имеющая на наш взгляд самый невинный характер и являющаяся развлечением или физкультурным упражнением, может у первобытного человека приобрести религиозную оболочку хотя бы уже потому, что она является традицией, обычаем или элементом каких-нибудь праздников.

Немецкий этнограф К. Т. Прейс сообщает об южноамериканском индейском племени унтото, что они объясняют смысл исполняемых ими плясок следующим образом: «Мы пляшем вовсе не бесцельно, хотя вы и говорите о бессмысленности наших плясок. Мы рассказываем во время наших празднеств разные истории. Когда мы играем в мяч, мы не просто развлекаемся, так как для нас этот прекрасный старинный обычай являет собой что-то священное, и если кто-нибудь шутит с этим, то его наказывает дух игры в мяч».

Эта тесная связь первобытной физкультуры с религией сказывается в необычайной устойчивости, вернее — застойности всех ее видов и форм. Любая игра, любая пляска приобретает определенную, из поколения в поколение неизменную форму; все ее позы, фигуры и движения становятся чем-то обязательным и священным, пропуск любой детали представляется святотатством, способным лишить пляску магического действия или даже навлечь кару духов.

Существование физкультуры, т. е. физических упражнений, игравших воспитательную роль и подготовлявших члена общества к «труду и обороне», у первобытных людей, таким образом, не может быть оспорено. Принципиальным отличием физкультуры в доклассовом обществе от физкультуры в обществе классовом является не отсутствие в ней систематичности, всесторонности и целеустремленности; в этом отношении зародышевая физкультура первобытного общества является отражением первобытного общественного труда с его несовершенством, с его полустихийным характером. Принципиальное отличие заключается в бесклассовом и коллективном (в смысле охвата всех членов общества) характере первобытной физкультуры. В первобытно-коммунистическом обществе физ-

культура, как и труд, свободна еще от каиновой печати эксплуатации и угнетения.

При всех отрицательных сторонах первобытного коммунизма, при всей культурной отсталости дикаря и варвара в области всего, что касается требований гигиены и санитарии, при всей чудовищной в некоторых отношениях нелепости всего дикарского и варварского быта, первобытно-коммунистическое общество, в котором не было богатых и бедных, господ и рабов, в котором женщина (разумеется, во времена расцвета первобытного коммунизма) была равна мужчине, в силу коллективно-братских отношений, лежавших в его основе, в силу отсутствия в нем конфликтов между личностью и обществом, — создавало здоровых физически людей, приспособленных к борьбе за существование, с раннего детства проходив-

Рис. 48. Эскимосское изображение игры в мяч.

ших своеобразную школу труда и социальных доблестей. «А каких мужчин и женщин, — восклицает Энгельс, — порождает такое (т. е. первобытно-коммунистическое) общество, показывает восхищение всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, перед чувством собственного достоинства, прямотушием, силой характера и храбростью этих варваров. О том, что в состоянии выдержать дикари, свидетельствует жалоба англичан, что кафр в сутки проходит большее расстояние и быстрее, чем лошадь: «у него мельчайший мускул выделяется, крепкий и закаленный, как сталь», говорит один английский художник.

Даже такой отнюдь не расположенный вообще к коммунизму исследователь, как известный буржуазный историк культуры Г. Шурц, вынужден заявить: «Нельзя не признать крупных выгод первобытного коммунизма для здоровья народов». Благотворное действие отсутствия эксплуатации сказывалось даже в условиях примитивной техники дикаря и его крайней подавленности силами природы,

13. КРУШЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО КОММУНИЗМА

Первобытный коммунизм не мог непосредственно перейти в мировое коммунистическое общество, в коммунизм, построенный на основе технического вооружения людей и сказочно возросшей производительности человеческого труда. Человечеству предстоял еще долгий мучительный путь через горнило эксплуатации огромного большинства людей незначительным численно меньшинством.

Эксплуатация человека начала зарождаться еще в недрах первобытно-коммунистического общества на стадии варварства. И в области земледелия, и в области скотоводства, и в области все сильнее развивавшейся металлургии и иных промыслов производство достигло таких успехов, что отдельный человек получил возможность производить большее количество продуктов, чем ему необходимо было для удовлетворения личных потребностей. Особенно быстро начала расти производительность человеческого труда с того времени, как пастушеские племена, т. е. племена, занимающиеся преимущественно скотоводством, выделились из остальной массы варваров; Энгельс называет это первым крупным общественным разделением труда. До этого времени в человеческом обществе существовало половое разделение труда, возрастное разделение труда, теперь же появилось разделение труда между целыми обществами, между целыми племенами: одни из них специализировались исключительно на скотоводстве, другие исключительно на земледелии.

Это привело, во-первых, к росту производительности труда, к появлению значительного избыточного продукта, к накоплению постоянных продовольственных запасов, а значит, и к быстрому росту плотности населения. Обилие молочных и мясных продуктов у скотоводческих племен, усовершенствование хлебопашества, садоводства и огородничества у земледельческих племен позволяло на одной и той же территории прокормиться более значительному, чем прежде, населению. Больше того, у отдельных племен стали накапливаться богатства, служившие предметом соблазна и вождения для других, соседних племен. Войны между племенами стали все больше носить захватнический характер, так как теперь было уже, что захватывать у соседей.

Рис. 49. Даякский воин со щитом из волос убитых врагов.

Во-вторых, сильный рост производительности труда и возможность накопления богатств сделали не только возможной, но и выгодной эксплуатацию человека человеком. Если раньше во время военных конфликтов между родами и племенами побежденных убивали, приносили в жертву богам и духам и даже съедали, то теперь стало выгодно превращать пленных в рабов, в живые, говорящие орудия, в двуногий рабочий скот. Зачатки рабства появляются в недрах первобытно-коммунистического общества довольно рано. Относительно некоторых ирокезских племен в Сев. Америке, например, установлено, что они щадили пленных, заставляя их обрабатывать свои поля, и даже торговали уже рабами. Однако, подлинно массовый характер рабство принимает уже на закате патриархально-родового строя, в процессе разложения первобытного коммунизма. Укрепление рабства накладывает определенный отпечаток и на характер войны: война теперь служит не только средством захвата чужой территории и чужих богатств, но и источником добывания рабов. Вначале рабовладение носит коллективный характер, т. е. рабы принадлежат всему племени или роду-победителю, но с течением времени расщепление родов на богатые и бедные семьи, — а это расщепление усилилось с возникновением частной собственности и частного обмена, — привело к преобладанию частного рабовладения. В рабов стали превращать не только военнопленных из чужих племен, но и разорившихся, обедневших членов своего же племени или рода.

В-третьих, первое крупное разделение общественного труда привело к усилению и учащению обмена. Обмен существовал и раньше. Но он, во-первых, носил случайный характер и совершался главным образом между родами, внутри племени или целой группы родственных племен. В том или ином месте в силу разных условий могла образоваться группа людей, специализировавшихся в том или ином виде труда и являвшихся предшественниками позднейших ремесленников. У североамериканских индейцев оджибвеев, например, до введения огнестрельного оружия европейцами существовала группа людей, называвшихся делателями наконечников стрел. Они умели выбирать подходящие камни и с особенным искусством изготавливать из них наконечники стрел, которые они

выменивали на мясо и звериные шкуры. А вот что сообщает об индейцах мака исследователь Свэн: «Приготовление утвари необходимой для ловли китов, особенно рукояток и снасти гарпунов, является делом определенных лиц, которые потом отдают свои изделия соплеменникам. Так же обстоит дело и с изготовлением веревок. Хотя все умеют их выделывать, но есть люди, которые в этом особенно искусны. Изготовление лодок — это другая отрасль, которой занимаются исключительно определенные лица, обладающие большей сноровкой, чем другие. Хотя эти занятия не практикуются как постоянные ремесла, но все же наиболее опытные посвящают себя этим определенным отраслям, получая в обмен на свои изделия другие продукты». Мы находим здесь даже и зачатки денег в виде раковин, кусочков кожи и т. д. Однако, здесь нет еще ни постоянного обмена, ни настоящих денег, ни торговли в подлинном смысле слова.

Постоянный обмен появляется лишь тогда, когда в результате отделения пастушеских племен от скотоводческих появилась нужда и выгода в обмене продуктов скотоводческого хозяйства на продукты земледелия. У североамериканских индейцев, например, мы видим, что гуроны постоянно обменивают излишки своего зерна и табака на продукты скотоводов алгонкинов. Больше того, земля гуронов, которые часть своих полей и огородов разводили специально для товарообмена, служила настоящей житницей и табачной плантацией для их северных соседей, не знавших земледелия. Главным товаром, которым обменивались пастушеские племена со скотоводческими, был скот: вот почему скот и является древнейшей формой денег в настоящем смысле слова. Первоначально обмен между отдельными племенами мог быть сравнительно редким, он мог носить даже преимущественно характер немой торговли, которую еще не так давно исследователи находили у многих отсталых племен. Вот как торговали, например, сибирские чукчи с индейцами Сев. Америки. Чукчи на своих лодках переплывали Берингов пролив, оставляли на берегу шкуры северного оленя и уплывали во-свояси. После этого появлялись индейцы и, присмотревшись к оставленному добру, клалли рядом столько мехов, сколько по их мнению полагалось дать в обмен за шкуры, и в свою очередь удалялись. Теперь в свою очередь возвращались чук-

чи и, если они находили, что оставленные меха были достаточным эквивалентом за их шкуры, то они забирали их, и сделка кончалась. Если же им количество мехов представлялось недостаточным, то они оставляли все нетронутым, давая этим понять, что они просят прибавки. Так торговали они, не видя и не слыша друг друга. Однако, чем дальше, тем обмен становился все более частым явлением и в конце концов сделался совершенно необходимым элементом общественного хозяйства. Если первоначально он носил коллективный характер, т. е. совершался целыми племенами и родами, то с возникновением частной собственности он все больше приобретал частный характер, т. е. совершался уже между отдельными лицами.

В-четвертых, первое великое общественное разделение труда коренным образом изменило положение женщины в родовом обществе, превратив ее из равноправного с мужчиной члена общества в существо, подчиненное мужчине. Объясняется это тем местом, которое теперь заняла женщина в общественном производстве. До тех пор пока домашнее коммунистическое хозяйство женщины играло не менее важную роль, чем мужские занятия — охота, рыбная ловля и война, — мужчина — охотник и воин — довольствовался равным с женщиной или даже вторым местом у родового очага. С тех пор, однако, как мужской промысел стал играть преобладающую роль, с тех пор как мужчина-скотовод, мужчина-воин, добывающий рабов, стал центральной фигурой в общественном производстве, тогда как домашняя работа женщины стала играть второстепенную роль по сравнению с мужскими занятиями, женщина в семейной жизни оказалась подчиненной мужчине, патриарху, главе семьи. Это и создало условия для возникновения патриархальной, так называемой большой семьи, объединяющей несколько поколений потомков одного отца и становящейся постепенно устойчивой хозяйственной ячейкой, которая противопоставляет себя роду. С возникновением и укреплением частной собственности патриархальная семья, выделявшаяся внутри рода, превратилась в силу, которая взрывала первобытно-коммунистический родовой строй.

Как же возникла и почему укрепилась частная собственность? Основой возникновения и укрепления частной собственности явился подъем производительности труда,

обусловивший увеличение прибавочного продукта. На низшей ступени варварства, т. е. во времена патриархально-родового строя, производство необходимо должно было носить коллективный характер, так как частное производство отдельной семьи не могло бы обеспечить ее существование. С тех пор, однако, как на средней ступени варварства появилось молочное хозяйство на основе стадного (пастушеского) скотоводства, с тех пор как металлические, — сперва медные, потом бронзовые, наконец железные орудия стали вытеснять каменные, по мере того как усложнение и совершенствование техники увеличивало власть человека над природой и продуктивность его труда, частное производство стало не только возможным, но и более выгодным для отдельных патриархальных семейств, которые, как мы видели, стали складываться в недрах единого прежде рода. Больше того, укрепление рабовладения, учащение обмена в силу развития родовых промыслов, рост накопления богатств превратили коллективно-собственнические отношения родового строя в путы, в помеху для жажды накопления, которая охватила более крепкие, более мощные патриархальные семьи внутри рода. Учащение военных конфликтов выделяет роль военачальников, которые в своем стремлении подчинить себе остальную массу племени опираются на более мощные патриархальные семьи, вернее, на глав этих семей, доходя иногда до организации тайных обществ, терроризирующих разными способами своих соплеменников. У некоторых туземцев островов Меланезии, например, находящихся на пути к классовому обществу, мы находим тайное общество «дук-дук», членами которого являются наиболее богатые и влиятельные члены племени. Они организуют свои особые религиозные церемонии, они запугивают страшными нарядами и нелепыми обрядами соплеменников и беспощадно расправляются со всеми непокорными. Укрепление частной собственности приводит к появлению частного рабовладения, частного обмена, а следовательно, к имущественному неравенству внутри рода, к появлению богатых и бедных семейств. Этот процесс получает особенно сильный толчок, когда на высшей ступени варварства к первому крупному общественному разделению труда присоединяется второе, т. е. выделение внутри земледельческого населения группы ремесленни-

Рис. 50. Маски членов тайного Общества у племени суака (Меланезия).

ков,—людей, изготовляющих продукты специально для обмена, притом имеющего не коллективный, а частный характер. Пржежня родовая община, спаивавшая в одно целое людей на основе коллективной собственности родственников, теперь уступила место обществу, состоявшему из частных хозяйств, объединенных лишь соседством, и разделенному на рабов и рабовладельцев, на богатых и бедных, подчиненных и власть имущих. Вместо родового общества мы имеем здесь уже общество классовое. Выделение скотоводства, земледелия, ремесла, сделавшее обмен необходимым элементом хозяйственной жизни, привело на основе частного производства и частной собственности к третьему крупному общественному разделению труда, к выделению общественной группы людей, специальным занятием которой является уже не производство, а исключительно обмен продуктов чужого труда. Появляются купцы, для которых купля-продажа является источником наживы, средством хищнического присвоения львиной доли общественного богатства. «Самые низменные интересы,— говорит Энгельс¹, изображая крушение первобытного коммунизма,—элементарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния—таковы были силы, породившие новое, цивилизованное, разделенное на классы общество; самые низкие средства—воровство, насилие, обман, измена подкапывались под старый бесклассовый родовой строй и привели его к падению». Все известные нам факты истории и этнографии, относящиеся к процессу образования классов в недрах родового общества, подтверждают эту характеристику Энгельса.

Таким образом древнейшей формой эксплуатации было рабство, а древнейшими классами—класс рабовладельцев и класс рабов. Одновременно с классами зародилась и классовая борьба. Обострение классовой борьбы в силу непримиримости интересов между рабовладельцами и рабами, между богатыми и бедными породило государство в его древнейшей форме, в форме рабовладельческой деспотии. В родовом обществе, не знавшем частной собственности и классовой борьбы, не было нужды в органах и

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932, стр. 98.

средствах внешнего принуждения. Все конфликты внутри родового племени разрешались родовым собранием, в котором равноправным участником являлся каждый член племени и мнение которого каждый член общества считал для себя обязательным. Вся жизнь общества при родовом строе регулировалась правилами обычного права и родовой морали, в которых ни один член общества, прочно связанный с окружавшей его социальной средой, не смел усомниться. Когда же общество разделилось на паразитирующее меньшинство рабовладельцев и эксплуатируемое большинство рабов, когда в каждой группе соседей появились бедные и богатые с противоречивыми классовыми интересами, когда старые дедовские обычаи и моральные заповеди оказались бессильными охватить весь усложнившийся быт классового общества, появилась нужда в особой силе, в специальном аппарате принуждения, который дал бы возможность паразитарному эксплуатирующему меньшинству держать в подчинении трудящиеся массы. «Принуждать одну преобладающую часть общества к систематической работе на другую, — говорит Ленин, — нельзя без постоянного аппарата принуждения. Пока не было классов, не было и этого аппарата. Когда появились классы, везде и всегда с ростом и укреплением этого деления появлялся и особый институт — государство»... «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы».

В помощь аппарату внешнего принуждения — государству господствующий класс использовал и аппарат убеждения, религию. Религия, с самого своего возникновения являвшаяся «опиумом народа», приобретает в распадающемся родовом обществе эксплуататорский характер, который она сохраняет до самого своего отмирания. Своими мифами и обрядами она освятила возникшее имущественное неравенство и эксплуатацию. В обществе выделилась группа профессиональных жрецов, которые, являясь сами частью эксплуататорской и паразитической верхушки нарождающегося классового общества, сделались специалистами по оглушению и одурманиванию масс.

Нам теперь нетрудно ответить на вопрос: где раньше всего произошло крушение первобытного коммунизма, где

раньше всего возникло государство? Это произошло раньше всего там, где раньше всего появились классы. Как показывают имеющиеся в распоряжении исторической науки факты, первобытный коммунизм в силу неравномерности исторического развития сменялся классовым обществом в разных местах в разное время. Если в Месопотамии и в древнем Египте первобытный коммунизм кончился около семи тысяч лет тому назад, то на некоторых территориях Южной Америки, Австралии, Африки он у некоторых отсталых племен продержался до нашего времени. Особенно четко историей прослеживается этот процесс превращения первобытно-коммунистического общества в классовое в древнейших классовых обществах Востока и Перу, где на основе крупного оросительного земледелия из родовых общин земледельцев и скотоводов сложились гигантские рабовладельческие деспотии древнего мира. Что касается древних Греции и Рима, то мастерской анализ этого процесса дан в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельса.

Со времени крушения первобытного коммунизма вплоть до самой Октябрьской революции зародившееся еще в недрах первобытного общества государство служило в руках эксплуататорского меньшинства аппаратом подавления эксплуатируемых трудящихся масс. Лишь Октябрьская революция впервые в истории создала новый тип государства, направленного против эксплуататоров. «История народов, — говорит И. В. Сталин — знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были односторонними революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров»¹.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 527.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. Крушение сказок о „райском блаженстве“ и „золотом веке“	3
2. Животные предки человека	6
3. Новейшие находки ископаемого человека	13
4. Родина и возраст человека	21
5. Труд и очеловечение обезьяны	24
6. Источники наших знаний о древнейшем человеческом обществе	32
7. Основные вехи в развитии первобытного общества	43
8. Дикое состояние	51
9. Варварство	58
10. Война в доклассовом обществе	73
11. Духовная культура доклассового общества	85
12. Подготовка к „труду и обороне“ у дикарей и варваров	105
13. Крушение первобытного коммунизма	125
